

БЕЗЖАЛОСТНЫЙ МАНЬЯК, ТЕРРОРИЗИРУЮЩИЙ
ТИХИЙ ГОРОДОК. ЧЕЛОВЕК ЛИ ОН?
АВТОР ЭТОЙ КНИГИ ВЕДЕТ ХРОНИКУ КРОВАВОГО
КОШМАРА И ПЫТАЕТСЯ ЕГО ПРЕКРАТИТЬ.

ОХОТА НА БУГИМЭНА

РИЧАРД ЧИЗМАР

Ричард Чизмар

Охота на Бугимена

Серия «Супер черный триллер»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67961097

Ричард Чизмар. Охота на Бугимена: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-173581-4

Аннотация

НА ОСНОВЕ РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ. АВТОР – ГЕРОЙ КНИГИ И УЧАСТНИК РАССЛЕДОВАНИЯ.

ОТ СОАВТОРА СТИВЕНА КИНГА.

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES И USA TODAY, НАЗВАННЫЙ КИНГОМ «АБСОЛЮТНО СВЕЖИМ И ПОТРЯСАЮЩИМ».

1988 год. Тихий городок Эджвуд потрясен жестоким убийством пятнадцатилетней Наташи Галлахер. Утром мать зашла разбудить ее и увидела: кровать дочери пуста, окно распахнуто, на подоконнике кровь. Позже Наташу находят в лесу – задушенную, с отрезанным левым ухом. А перед домом жертвы нарисованные синим мелом «классики» с загадочной цифрой 3 в каждой клетке... Но в округе нет маленьких детей, так что это наверняка сделал убийца. И он продолжает убивать, издеваясь над полицией и ФБР, показывая, что ему известен каждый их шаг. По

городу расползается слух, что зло, убивающее местных девушек – вовсе не человек... Бугимен.

Только что вернувшийся домой выпускник журфака Рич Чизмар пытается не поддаваться панике и сделать хоть что-то для поимки Бугимена. И вот он уже ощущает тайные взгляды неуловимого маньяка и необъяснимую связь с ним. Рич еще не знает, что эхо этих зловещих событий будет преследовать его много-много лет...

Незаурядный триллер о серийном убийце, пропитанный ужасом провинциальных городков в духе Кинга, с настоящей криминальной документалистикой, богатым иллюстративным материалом и собственным расследованием автора.

«Поистине леденящая кровь книга, абсолютно свежая и потрясающая. Захватывающее и пугающее чтение. Повсюду ощущается влияние Брэдбери, хотя тот не написал бы подобной концовки. Роману удалось то, чего часто не удается тру-крайм-историям – совместить нагнетание ужаса и прекрасный финал». – Стивен Кинг

«Головокружительное творение диковинной фантазии и психологической проницательности. Из тех редких книг, что создают невыразимое чувство посещения иного мира. В этой истории словно бьется живое человеческое сердце. Я потрясена!» – Кэролайн Кепнес

«Великолепно. Запутанное дело, увенчанное элегантно разгадкой. Ошеломляет мастерство, с которым переплетены факты и вымысел. Это гимн и детской невинности, и взрослению». – Катриона Уорд

«Захватывающе. Пугающе. Бескомпромиссный рассказ о монстре, появившемся посреди повседневности, и героях, самых

обыкновенных людях, одержимых мыслью его остановить». – Райли Сейгер

«Чизмар, не церемонясь, вдребезги разбивает представление о том, что все жанры уже изобретены. Это невероятно тревожная смесь литературных стилей, визуального материала, биографии и сказа. Свежая, обескураживающая, великолепная. Да уж, а нам-то казалось, что любой книге можно легко назначить жанр...» – Джош Малерман

«Здесь Чизмар продемонстрировал всю мощь своего невероятного таланта рассказчика. Завораживающая фантазия вкупе с глубоко человеческим отношением к материалу. Тонкое, многослойное повествование, великолепная интеллектуальная игра». – Майкл Корита

«Абсолютно восхитительно, совершенно неотразимо и безмерно душераздирающе. Готов спорить, прочтете за один присест. Забираю к себе в любимые!» – Си Джей Тюдор

«Просто черная магия, а не роман. Шедевр трукрайма с автором в качестве ключевого игрока в жутком детективном повествовании. Крайне рекомендую, но только не слабонервным». – Джонатан Мэйберри

Содержание

Обращение к читателям	8
Джеймс Реннер	9
Вступление	13
I	23
II	63
III	96
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Ричард Чизмар

Охота на Бугимена

Richard Chizmar

Chasing the Boogeyman

Copyright © 2021 by Richard Chizmar

Школа перевода
В. Баканова

В оформлении суперобложки использованы иллюстрации: Arina P Nabich, Deutschlandreform, Wirot, LifetimeStock / Shutterstock.com. Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Лобанов С.В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия

издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Бестселлер New York Times и USA Today от соавтора Стивена Кинга.

Незаурядный триллер о серийном убийце, пропитанный ужасом провинциальных городков в духе Кинга, с настоящей криминальной документалистикой, богатым иллюстративным материалом и собственным расследованием автора.

Это серия особенно напряженных, мрачных и атмосферных романов. В них оживают черные стороны человеческой натуры – и проявляются самым причудливым и неожиданным образом.

* * *

*Посвящается Каре.
Снова*

Обращение к читателям

Перед вами – художественное произведение, дань уважения моему родному городу и моей страсти к жанру криминальной документалистики, тру-крайм. По всей книге разбросаны картинки из жизни, по большей части вдохновленные моей личной историей; однако есть и события, а также реальные люди, места и печатные издания, которые художественно переосмыслены таким образом, чтобы придать больше жизненности повествованию. Прочие же имена, герои, места, издания и события полностью порождены моим воображением – не самой, признаюсь, приятной вещью на свете.

Джеймс Реннер

Предисловие

Я пишу о серийных убийствах. Первый опыт я приобрел во «Фри таймс», в Кливленде, работая журналистом-расследователем в те дни, когда на западе города начали пропадать молодые женщины. Все понимали, что убийца прячется среди нас, но обнаружить его не получалось. Я провел целый месяц, расследуя дела Аманды Берри и Джини ДеХесус – жертв маньяка. В главных подозреваемых ходил бывший дружок Аманды, однако доказательств у полиции не было. А потом однажды, в две тысячи тринадцатом году, отведя сынишку в спортзал, я получил сообщение от своего информатора в Управлении полиции Кливленда: «Аманда и Джина только что вышли из одного дома в Вест-Сайде. Там же находится третья жертва». К концу дня Ариэля Кастро задержали. Просматривая свои записи с самого начала, я обнаружил имя Кастро – его дочь последней видела Джину ДеХесус. Когда Джина пропала, главред попросил не интервьюировать девочку – она была еще несовершеннолетней. Остается только догадываться, как все пошло бы, не послушай я начальство.

Тем летом, когда взяли Кастро, я возил семью в Оушн-Сити, штат Мэриленд, в отпуск. Мне требовался отдых; я со-

бирался почитать Стивена Кинга и Джона Ирвинга, пока дети на пляже ваяют замки из песка. В квартире, которую мы сняли, стоял обеденный стол с расшатанными ножками; это бесило, и уже на второй день я был готов заняться починкой. Я осмотрел хозяйские книжные полки в поисках чего-нибудь подходящего по размеру и там случайно наткнулся на поблекшую под солнцем обложку «Охоты на Бугимена» – документальный детектив Ричарда Чизмара. Едва начав листать книгу, я начисто забыл про расшатанный стол. К обеду я не мог думать уже ни о чем, кроме подробностей, которыми изобиловала книга, и чудовищных нераскрытых убийствах, потрясших Эджвуд в восемьдесят восьмом году.

Когда мы уезжали, «Бугимена» я прихватил с собой. Спорить не стану, это воровство; однако мой аргумент таков: быть украденной для книги лучше, чем подпирать стол. Вернувшись домой, я полез в интернет – искал, поймали ли убийцу, но мне подвернулись лишь старые статьи на портале «Лексис-Нексис». За последние десять лет никаких обновлений. Зато я с удивлением узнал, что Чизмар превратился в книгоиздателя, да какого: Стивена Кинга публикует! У меня со студенческих лет завалился номер его журнальчика «Кладбищенский танец», и там, на странице со всеми данными, обнаружилась контактная информация.

Спонтанно возникло желание написать ему, и я отправил Чизмару вопрос по электронной почте: «Есть ли новости по загадке Бугимена?» Я сфотографировал обложку стыренной

книжки и приложил фото к письму вместе с номером телефона. Через пять минут раздался звонок. Это был Чиз. Мы часа два или три проговорили о тех убийствах. Прошло двадцать с лишним лет, а он помнил каждую деталь, каждого свидетеля, с которым общался. Ясно было, что Чизмар по-прежнему одержим расследованием. Тогда же возникла идея: написать очерк о его поисках преступника в юные годы. Однако помешали другие дела и новые истории.

И вот наступило сентябрьское утро две тысячи девятнадцатого года, когда я увидел: весь «Твиттер» заполонен темой «Бугимена». Переходя по ссылке, я убеждал себя, что увижу рекламу нового фильма ужасов. И открыл новости об убийствах в Эджвуде. У меня прямо-таки земля ушла из-под ног при виде имени человека, арестованного полицией. Такого я ожидать никак не мог.

Чизмар не ответил на мой звонок ни в тот день, ни до конца недели. Дополнительные сведения я получал из «Вашингтон пост» – читая новости, что публиковала Карли Олбрайт. В воздухе витала атмосфера всеобщего облегчения – казалось, его можно потрогать. Так же было, когда арестовали «убийцу из Золотого штата»¹. Когда вопреки всем трудностям чудовище поймано, возникает ощущение чуда. Толкин

---

¹ Золотой штат – официальное прозвище Калифорнии; имеется в виду серийный насильник и убийца Джозеф Деанджело, действовавший в 1970-80-х гг. и пойманный в 2018 г. благодаря онлайн-базе для генеалогических изысканий по ДНК.

даже слово для этого придумал – «эвкатастрофа»², то есть катастрофа наоборот.

Я долго ждал от Ричарда Чизмара слов, которые поставили бы точку в этом деле. Узнав, что он и в самом деле проинтервьюировал убийцу в тюрьме, я жаждал услышать, что же он выяснил. Поэтому для меня большая честь написать вступительное слово к долгожданному финальному изданию его книги.

Если меня чему-то и научил опыт Чизмара, так это тому, что терпение и надежда побеждают зло и безразличие. Почти всегда. Надеюсь, вы согласны.

3 марта 2019

Джеймс Реннер – автор книги «Фанат документального детектива», спорной книги об исчезновении Моры Мюррей, а также романа «Человек с Примроуз-лейн». Совсем недавно вышел его новый роман – «Муза». Джеймс начинал репортером в Кливленде, специализировался на журналистских расследованиях. В настоящее время он ведет подкаст «Философия преступления».

---

² Греческая приставка «эв» («эу», «ев») означает «хорошее», «благое», «нормальное».

Вступление

«Что за зверь такое вытворяет?»

Когда я взялся собирать газетные статьи и вырезать заметки о трагических событиях, произошедших в моем родном Эджвуде, штат Мэриленд, летом и осенью восемьдесят восьмого года, я и в мыслях не держал писать полноценную большую книгу на основе этих разрозненных наблюдений.

Возможно, что-то засевшее в глубинах подсознания нашептывало: заметки эти перерастут в нечто стоящее... Впрочем, Рич Чизмар, двадцатидвухлетний юнец, погрузивший однажды в начале июня нехитрые пожитки (в частности, любимый компьютер «Эплл Макинтош», за который по сей день приходится выплачивать ежемесячные взносы) в замызанную бурую «Тойоту Короллу» и отправившийся на север по Девяносто пятому федеральному шоссе к отчому дому, об этом и не догадывался. Знал я лишь одно: за три дня до того в нескольких кварталах от места, где я вырос, посреди ночи из собственной постели вытащили молоденькую девчонку. А на следующее утро ее растерзанное тело обнаружили в лесу неподалеку. Подозреваемых у местной полиции не было.

Поначалу репортеры, соблюдая приличия, деликатно не сообщали о том, в каком состоянии нашли труп. Но хар-

фордский шериф приходился родным дядей одному моему старинному другу, он-то и вывалил все тошнотворные подробности.

– Господи, Рич, что за зверь такое вытворяет? – спросил меня этот самый знакомый, словно давний интерес ко всему жуткому дал мне право считаться неким экспертом по девиантному поведению и психическим отклонениям.

В тот день мне нечего было ему ответить, да и сейчас, более чем год спустя, сказать нечего. Можете считать меня наивным, но есть вещи за пределами нашего понимания. В жизни – да и в смерти – многое остается тайным.

Когда мы с отцом говорили по телефону накануне моего возвращения домой, он, как обычно, был спокоен. Волновало его лишь одно: чего бы вкусенького мне хотелось на обед в день приезда. Он хотел заранее купить продуктов в войсковом буфете своей части. Однако мама места себе не находила.

– Мы знакомы с Галлахерами уже двадцать лет, – причитала она дрожащим от захлестнувших эмоций голосом. – Они переехали сюда вскоре после нас. Джош только-только ходить научился, а бедняжка Наташа еще не родилась. Ты поговори с Джошем, когда домой вернешься. И вообразить не могу, каково это: потерять младшую сестренку!.. Пойдешь с нами на похороны? Вы ведь с Джошем учились вместе, да?

Я заверил ее, что тоже не могу вообразить, каково это –

потерять младшую сестренку (то, что я – младший из Чизмаров, а посему младшей сестренки у меня нет, никакой роли не играло), и да, конечно, на похороны я пойду, и да, конечно, мы с Джошем и в самом деле учились вместе, хотя и не то чтобы дружили – тусовались порознь.

Уже тогда, в относительно юные годы, я пошел своим путем, а моя семья оставалась верной католицизму – особенно мама. Если окружающий ее мир страдал – от смертоносного землетрясения в Азии, потопа в Южной Америке или, там, у внучатого племянника обнаруживался неизлечимый рак, – мама сострадала каждому нуждающемуся. В этом она вся.

У мамы уже и дыхание сбилось – говорить устала, однако взялась за новую тему: как они с Нормой Джентил, нашей соседкой, каждое утро прошедшей недели ходили на мессу и молились за всех Галлахеров. А еще сходили к ним с соболезнованиями, жареной курицей домашнего приготовления и капустным салатом.

На заднем плане слышался приглушенный голос отца: он распекал маму за то, что долго держит меня у телефона. Мама в ответ огрызнулась:

– А ну, цыц!

Вернувшись к разговору со мной, она извинилась, что так сильно расстроена, и за то, что уже все уши мне прожужжала; заявила, что ничего подобного в Эджвуде в жизни не происходило. Не успел я хоть что-то ответить, как мама пожелала мне спокойной ночи и повесила трубку.

Когда на следующий день к вечеру я сворачивал на своей перегруженной «Тойоте» с Девяносто пятого шоссе на Хансон-роуд, репортерша на радио почти слово в слово вторила маме. В городках, подобных Эджвуду, нелады с законом у многих: тут нападение, там побои; то взлом, грабеж и кража, то наркоманы буянят. Случаются и убийства – но ничего и отдаленно подобного столь жестокому и извращенному. Репортерша заявила, что теперь словно щелкнули невидимым переключателем, и мы попали в иную реальность. Городок утратил остатки невинности.

На пассажирском сиденье рядом со мной лежал диплом журфака Мэрилендского университета, присланный мне свернутым в трубочку в почтовой тубе. Рамку я покупать не стал – зачем? Родители очень расстроились, когда я так же наплевательски отнесся к церемонии вручения диплома – просто не пошел туда. Четыре с половиной года тянулись бесконечно; я был сыт по горло теоретическим образованием. Настала пора заняться чем-то настоящим.

Дело оставалось за малым: я не очень-то представлял, чем именно.

За последние пару лет у меня кое-что опубликовали – в основном спортивные заметки да несколько злободневных статей в университетской газете. А еще мне повезло прорваться в родной харфордский еженедельник «Иджис» (аж дважды) и в «Балтимор сан» (всего раз). Как давнишний болельщик бейсбольной команды «Балтимор Ориолс» я осо-

бенно гордился большой статьей об Эрле Уивере, написанной для «Сан». В отличие от диплома, ее-то я вставил в аккуратную рамку и заботливо завернул в пупырчатую пленку, прежде чем положить на заднее сиденье автомобиля.

Итак, вооруженный внушительным ворохом газетных вырезок и свежее испеченным дипломом журфака, я, по вашему мнению, должен был осесть дома и заняться активным поиском работы, да?

Ничего подобного.

Видите ли, во время нудных занятий о том, как правильно написать «шапку», когда использовать «неназванный источник» и как интервьюировать неразговорчивого собеседника, я по уши влюбился в совершенно иную литературу. Таковую, в которой неизмеримо меньше правил; такую, где над ухом не лает шеф, требуя: «Шевелись, Чизмар, пора сдавать в печать!»

Вы угадали, я говорю о биче подлинной журналистики: о разнузданном и незрелом мире фантазеров, о мире художественной литературы. Хуже того, я заболел жанровой литературой: детективом, мистикой, триллером; влюбился в совсем уж поганую падчерицу беллетристики – литературу ужасов.

К тому времени мне удалось продать с полдюжины рассказов мелким издательствам в разных концах страны, журнальчикам с говорящими названиями типа «Свидетельства невероятного», а еще «Научфантаст», «Солнце пустыни» и

«Песнь звезд». Обычно такие журнальчики находишь в почтовом ящике с криво приклепнутой обложкой и любительскими черно-белыми картинками на ней; там платят цент за слово, да и то если повезет. Обычно не платят ничего.

Дальнейшим свидетельством моего юношеского невежества и шапкозакидательства стал следующий шаг на пути к новой любви: незадолго до описываемых событий я объявил об открытии своего собственного журнала ужасов и триллера, амбициозного ежеквартальника под весьма спорным названием «Кладбищенский танец» (названия, позаимствованного у собственного рассказа; за рассказ меня похвалили с десяток издателей, причем похвалы касались запоминающегося названия, а вот качество самого рассказа удостоилось, если быть точным, абсолютного нуля комплиментов). Первое издание «Кладбищенского танца» должно было увидеть свет через несколько месяцев, в декабре восемьдесят восьмого. Я, как всегда, тонул в работе: меня ждала бесконечная череда долгих дней и ночей за рабочим столом.

Но сперва нужно было повернуть самую трудную часть дела – как-то объяснить моим старомодным, всю жизнь прожившим по правилам родителям, что я даже не собираюсь подавать резюме и искать работу. Вместо этого я замыслил иной стратегический план: во-первых, пустить корни в спальне на втором этаже, где прошло все мое детство; затем на семь месяцев присоседиться к родительскому обеденному столу, готовясь к предстоящей свадьбе (и последующему

переезду в Балтимор, чтобы Кара, моя невеста, успешно закончила учебу в университете Джонса Хопкинса, а потом занялась физиотерапией – только так можно было обеспечить со временем постоянный доход хоть у кого-то в нашей будущей семье), и работать над своим журнальчиком, пописывая рассказы о злодеях и чудовищах да слоняясь по дому в трениках и пижаме.

Зашибись план, да?

К счастью, родители и здесь проявили свой ангельский характер. По причинам, недоступным разумному человеку, они решили поддержать сыновнее начинание и выразили непоколебимую веру в мое будущее.

Ну вот, теперь вы знаете, как в начале июня восемьдесят восьмого я очутился за письменным столом перед окном с видом на соседский дом, в комнате, где я вырос. Каждый раз, отрывая глаза от экрана компьютера и глядя в окно, я видел лужайку, а воображение гоняло по ней хохочущих и улюлюкающих призраков друзей детства; их голые плечи растворялись в мерцающих тенях высоченной плакучей ивы, загибающие лапы ветвей которой без счета ловили наши плетеные мячики и без счета же дарили прохладную тень, а в тени мы обедались пищей и менялись бейсбольными карточками. Под этой ивой я урвал свой первый поцелуй в одиннадцать лет. Ее звали Ронда, и я помню ту девчонку до сих пор.

Однако все это осталось в прошлом. Хотя детство мое золотое и рисовало в мечтаньях приятные ностальгические

картинки, впереди ждало настоящее – сверкающий новый дар, жаждущий, чтобы я его открыл.

За окном мелькали дождливые деньки, на экране складывались слова, и решение вернуться к родителям казалось все более верным, как будто не только душа моя стремилась домой, но некое предназначение требовало возвращения, и это, честно говоря, меня удивляло. Когда Кара, терпеливая, искрометная, зеленоглазая красотка (по чистой случайности также из большой эджвудской семьи), предложила мне вернуться в родные пенаты на месяцы, остающиеся до нашей свадьбы, я решил, что она спятила. Родителей я люблю всей душой, однако с тех пор, как пять долгих лет назад мне исполнилось семнадцать, я ни разу не оставался дома дольше чем на неделю каникул. Я вполне резонно предполагал, что если мы вновь поселимся под одной крышей, то все втроем сведем друг друга с ума.

По счастью, Кара, помимо ослепительной улыбки, обладала еще и то ли проницательностью, то ли интуицией; как повелось во все последующие годы, она была права.

Семь месяцев, что я прожил на Хансон-роуд, оказались именно тем, что мне было нужно. Они стали для меня мостиком во взрослую жизнь и во все хорошее и плохое, к чему привели.

Сперва о хорошем: я усердно трудился в уютной тиши комнаты моего детства и оттачивал мастерство. Я продал несколько рассказов, и первый номер «Кладбищенского тан-

ца» вышел вовремя, не только не разорив меня, но и принеся некоторый успех. Я встретил тех, кого не видел годами, восстановил старые связи. Мы с отцом косили газон и стригли кусты летом, сгребали листву и чистили сточные канавы осенью. Мы ковырялись в гаражной мастерской, смотрели по телевизору в подвале игру «Ориолс»³, попивая пиво из запотевших банок и уничтожая горы сыра и крекеров с бумажных тарелок. Стрелка на весах в ванной неизменно ползла вверх, пока я пировал на маминой кухне; моей колыбельной стал родительский смех из спальни, где предки, выключив свет, смотрели по вечерам сериалы.

Но происходило и страшное: невообразимое, неопишимо жуткое, оно нависало над этими чудесными воспоминаниями словно злые серые тучи в предгрозовом небе. Убийства четырех ни в чем не повинных девочек. Четыре разрушенные семьи. Город в заложниках у безумца, у чудовища, страшнее и злее, чем все, что я придумывал в своих рассказах.

В какой-то момент, после третьего убийства, я попытался убедить себя, что я и не знал толком этих девочек. Хотя какая разница? Они были нашими соседками, друзьями друзей, сестрами друзей, детьми друзей. И все они были из Эджвуда, самого родного мне и любимого места на Земле.

У меня с тех пор было достаточно времени обо всем поразмыслить. Говоря точнее – полтора года и даже больше, и

---

³ Имеется в виду бейсбольный клуб «Балтимор Ориолс».

теперь мне кажется, та женщина на радио, диджей из давнего июньского дня, была права: мы пережили утрату невинности. После всего, что случилось потом, казалось, мы никогда не вернемся к прежней жизни.

А может, и не стоит туда возвращаться.

Может, в этом и смысл скорби: никогда не забывать об утраченном.

Не в моих силах объяснить, почему все произошло так, как произошло, почему я вернулся на Хансон-роуд именно тогда, когда произошли убийства. Не знаю, распорядилась ли так судьба (а многие, кто меня знает, так и думают) или так случилось по невезению. В конечном итоге вопрос «почему?» не имеет значения.

Я там был.

Я стал свидетелем.

И каким-то образом история чудовища стала и моей историей.

20 июня 1990

I

Городок

«Именно в те долгие, неспешные и напряженные прогулки по подъездной грунтовке я и принялся рассказывать друзьям свои страшные истории...»

1

Прежде чем пуститься в повествование о Бугимене и пучине ужаса, в которую он погрузил наш городок летом и осенью того года, расскажу вам, где я вырос. Очень хочется нарисовать ясную картинку и места, и его обитателей, чтобы вы, читая о дальнейших событиях, увидели, что именно мы все потеряли. Когда я езжу по улицам родного города, мне часто вспоминаются слова Джона Мильтона: «Невинность, единожды утраченную, никогда не вернуть; тьму, единожды увиденную, никогда не утратить».

Для жителей Эджвуда наступало время тьмы.

2

Полагаю, маленькие городки в большинстве своем двули-

ки. Одно лицо – парадное, из официальных фактов: важные даты, демография, экономика и география. Другое – тайное, значительно более личное, оно из тонко сплетенной сети историй, воспоминаний, слухов и секретов, передаваемых от поколения к поколению, нашептанных теми, кто знает городок досконально.

Эджвуд, что в штате Мэриленд и в двадцати пяти милях к северо-востоку от Балтимора, в южной части округа Харфорд, не исключение. Городок находится вверху полуострова, похожего на перевернутый треугольник, образованного Чесапикским заливом на юге, Ганпаудер-Ривер на западе и Буш-Ривер на востоке. Когда-то здесь обитали индейцы, в основном поухатаны и саскуэханноки. Капитан Джон Смит одним из первых прошел по Буш-Ривер, назвав ее «Уиллоубиз-Флю», по имени любимого родного городка в Англии. В 1732 году на берегу реки поставили Пресбери-Митингхаус, одну из первых методистских церквей Америки.

В 1835-м по этим землям провели железную дорогу, и местное сельское хозяйство получило рынки сбыта. Развитие железной дороги обеспечило дальнейший рост Эджвуда. Деревянный железнодорожный мост сожгли в апреле 1861-го, во время балтиморских бунтов. Второй раз его сожгли уже солдаты-южане в июле 1864-го. Хотя в 1878-м население Эджвуда едва превышало три десятка постоянных жителей, железная дорога и фермерские хозяйства по соседству помогали городу развиваться. Дома росли как грибы, появились и

особняки, что построили бизнесмены, ежедневно добирающиеся до Балтимора поездом. Вскоре в городской черте появились школа, почта, отель, магазинчик и кузница.

Обилие видов водоплавающей дичи и близость к охотничьим угодьям увеличило популярность эджвудской железнодорожной станции. Вскоре на охоту в Эджвуд повалили любители охоты с северо-востока – аж из Нью-Йорка и Бостона. Генерал Джордж Кадваладер, орденоносный герой войны и уважаемый филадельфийский юрист, со временем скупил здесь обширные земли, почти восемь тысяч акров, и приглашал богатых и влиятельных друзей в гости. Он сдавал в аренду прибрежные территории различным охотничьим клубам и построил на своих землях больше десятка фермерских хозяйств. Трудолюбивые обитатели этих ферм платили Кадваладеру хороший процент с урожая.

Еще одна достойная внимания личность из ранней истории Эджвуда – Герман В. Хансон по прозвищу Босс. Процветающий владелец фермы и ветеран палаты представителей штата Мэриленд, Хансон был прожженным делягой. Наибольшую прибыль ему приносило консервирование томатов. Здесь у Хансона работали четыре консервных завода, и, чтобы справляться с заказами, он скупал помидоры у всех местных фермеров. Его консервы «Куин Брэнд» продавались по всей стране и даже шли на экспорт.

Официальную историю городка в те времена омрачила лишь одна настоящая трагедия. В 1903 году вооруженная

банда попыталась ограбить поезд, перевозивший зарплату и стоявший тогда на железнодорожной станции в Эджвуде. Яростная перестрелка с местным констеблем и его людьми окончилась гибелью двух полицейских, одного банковского служащего и всех шестерых бандитов. Репортер местной газеты насчитал более двухсот пятидесяти пулевых отверстий в станционной стене. К счастью, такие всплески насилия остались редкостью в провинциальном городке.

Неподалеку располагалась Магнолия Стейшн, названная так из-за изобиловавших там прекрасных магнолиевых деревьев. За станцией простирались луга Магнолия Медоуз, почитаемые любителями пикников, свежего воздуха и экскурсий из Балтимора. В построенном там просторном павильоне проводили танцы и свадьбы, и к началу века в Магнолии появились почтамт, церковь, школа, консервный завод, магазин всякой всячины, лавка обувщика и цирюльня.

Идиллическая картинка жизни обитателей Эджвуда и окрестностей круто изменилась в октябре 1917-го, когда все земли к югу от железнодорожной ветки отошли правительству США и началось возведение оружейного завода – эджвудского «Арсенала». Сюда, на стройку завода химического оружия, стекались тысячи человек. Правительство возвело корпуса для производства горчичного газа, хлора, хлорпикрина и фосгена. Здесь даже делали противогазы для лошадей, ослов и собак. В июле 1918 года на пике спроса на рабочую силу на химзаводах трудились восемь тысяч три-

ста сорок два гражданских и семь тысяч сто семьдесят пять военнослужащих. И если богатым местным жителям вроде генерала Кадваладера правительство возместило потерю земель, то работяги, трудившиеся на чужой земле – арендаторы и издольщики, – не получили ничего. В северо-восточной части города чернокожие поселенцы соорудили магазинчик, школу на пару классов да джаз-клуб – все это из тонюсенькой вагонки и палок. В 1920 году клуб сгорел при подозрительных обстоятельствах.

Присутствие военных преобразило Эджвуд. В окрестностях появлялись школы, дома, жилье. Во время Второй мировой военных и гражданских служащих в городе стало еще больше. Поспешно перестраивалась железнодорожная станция – чтобы справиться с наплывом пассажиров. Активно строились общежития; новое жилье поднималось везде, по всей территории Эджвуда – и около завода, и дальше. Возник даже целый район на двадцати шести акрах земли – Седар-драйв. Бурный рост населения в совокупности с появлением Сорокового шоссе – четырехполосного хайвея, пронесшегося по Эджвуду, – стимулировал дальнейший экономический подъем города. В начале пятидесятых появился модный район Эджвуд-медоуз – сплошь отдельные семейные коттеджи. Эджвуд-медоуз рассекли напополам старая Эджвуд-роуд и Хансон-роуд, и вскоре обе улицы были усеяны разнообразными коммерческими заведениями. А дальше по Хансон-роуд разросся район с более доступным жильем го-

родского типа – Кортс-оф-Харфорд-сквер. Под эту застройку ушло более сотни акров плодородной земли. На зеленом холме стоял Хансон-хаус, построенный еще Томасом Хансоном в начале девятнадцатого века, – викторианский особняк о семи фронтонах, с пятьюдесятью одним окном. Это был первый дом с водопроводом в Эджвуде. А в 1963-м на Хансон-роуд, через дорогу от ведущего бойкую торговлю супермаркета сети «Акме», открылась общественная библиотека. В том же году, чуть позже, построили дорожную развязку, соединившую Девяносто пятое шоссе и Эджвуд. Последовал очередной всплеск строительства жилья. На ста двух акрах земли вдоль Уиллоуби-Бич-роуд появились три просторные школы – от начальной до полной средней, – чтобы способствовать притоку учащейся молодежи.

Однако за любым подъемом неминуемо следует спад, и, когда армия США ушла из Вьетнама, расходы на некоторые программы вооружений были сокращены или даже вовсе прекратились. И военный, и гражданский персонал перевели на другие базы на восточном побережье. Вскоре многочисленные корпуса «Арсенала» стали походить на город-призрак. Несколько лет ходили упорные слухи, что правительство планирует открыть на заброшенных территориях десантное училище, но слухи так и не подтвердились.

К концу восьмидесятых Эджвуд занимал территорию около семнадцати квадратных миль. Население составляло почти 18 тысяч человек, 68 % – белых, 27 % – афроамери-

канцев, 3,5 % – латиноамериканцев. Средний доход домохозяйств немного не дотягивал до среднего по стране и составлял 40 500 долларов. Средний состав домохозяйств равнялся 2,81 человека, средний размер семьи – 3,21.

Так выглядело официальное лицо Эджвуда в цифрах.

3

А вот каким я знал и любил Эджвуд.

Я вырос в скромном двухэтажном доме с зелеными ставнями на углу Хансон и Тупело-роуд. Дом, тротуары, улицы и дворики, его окружавшие, были для меня целым миром с пяти лет и до того самого времени, как я уехал учиться в колледж⁴ в семнадцать. Родители живут все еще там.

В семье пять детей: я младший, три сестры – Рита, Мэри и Нэнси – и наш старший, Джон. Я отстал от появления на свет всех остальных почти на восемь лет. Другими словами, я родился, вероятно, по ошибке. Так ли, нет ли, у родителей я никогда не спрашивал; однако братец с сестрицами мне столько по ушам на эту тему ездили, что трудно усомниться. Впрочем, какая разница?

Отец – отставник ВВС США, человек спокойный и трудолюбивый, достойный и честный. Мама – женщина миниатюрного сложения, высококлассная сиделка и все еще та

---

⁴ Имеется в виду колледж, представляющий собой университетский факультет.

же эквадорская красotka, на которой отец когда-то женился. Родители всегда относились к нам, детям, с одинаковой любовью, пониманием и терпением. Ну или почти одинаковой. Уверен, что я – не только самый младший и, как многие считают, самый прелестный, но и самый последний из детей Чизмаров, загостившийся под крышей отеческого дома, а потому – родительский любимчик.

Что-то меня в сторону занесло.

Наше крыльцо с белой крашеной дверью и большой застекленный эркер выходили на Хансон-роуд, главную и самую загруженную автодорогу Эджвуда. Знак ограничения скорости – двадцать пять миль в час – стоит прямо напротив нас, но редкий водитель на этой дороге соблюдает скорость. Правая стена дома выходит на Тупело-роуд, улицу широкую, трехполосную, правда, значительно менее загруженную. Она начинается здесь, на перекрестке, и тянется аж до методистской церкви Пресбери-Черч, что на Эджвуд-роуд.

К дому притулился небольшой, на одну машину, гараж – туда можно попасть прямо из столовой. Гараж – отцовская берлога, неприкосновенное убежище. Маленьким я то побаивался этого места, то приходил от него в восторг. Почему-то оно всегда казалось мне похожим на лавку чародея из диснеевского мультфильма «Фантазия», полную волшебства и сумбура. Вдоль задней стены тянулся самодельный узкий верстак, а над ним, полностью увешанная инструментом, – перфорированная панель: десятки инструментов и прибор-

чиков с загадочными надписями, логику расположения которых я и по сей день не понимаю. На противоположных концах верстака, приткнувшись к стене, друг на друге стояли четыре кубические тумбы с выдвижными пластиковыми ящиками, аккуратно подписанными и полными самых разных болтов, гаек, гвоздей и шайб. Также на противоположных концах верстака к переднему краю были прикручены двое здоровенных железных тисков. Под верстаком отец аккуратно складировал пиломатериалы, а еще оттуда виднелись несколько пластиковых ведер да пара многоцелевых табуреток. Остальные стены гаража занимали листы прислонившейся к ним фанеры и мебель, ожидающая починки; еще тут грозно дислоцировались станки: циркулярка со сверкающими стальными зубьями, ленточная шлифмашина, фрезер, сверлильный станок. И мне, и друзьям моим эти инструменты казались приспособлениями для изощренных пыток. Выше на стене, одна над другой, громоздились самодельные полки, плотно забитые небольшими картонными коробочками, стеклянными баночками, жестянками из-под кофе; на всех наклейки – полоски малярного скотча, – подписанные отцом сплошь заглавными буквами: ТРОС. ЛЕНТА. ПРОВОДА. СКОБЫ. СТРУБЦИНЫ. ПОДШИПНИКИ. Когда тебе восемь, все это – инвентарь чародея.

Увы, от остального в доме дух не захватывало. Крошечная кухонька, столовая, гостиная, прихожая – вот и весь первый этаж. Древний стереопроектор – тумба, в которой

разместилась отцовская коллекция джазовых пластинок, – стоял в центре эркера под окном, а вдоль стен – несколько шкафов красного дерева. Плюс гарнитуры из дивана и кресла неописуемого зеленого цвета. Наверху – три скромные спальни и ванная. Моя спальня – в дальнем углу, ее окна выходили на боковой и задний дворик. Под первым этажом находился гидроизолированный подвал: стены, закрытые темными панелями, угловой диван, уютные откидные семейные кресла, черно-белый кофейный столик мраморной отделки, на котором отец почти каждый вечер раскладывал пасьянсы, старый добрый телевизор «Ар-Си-Эй» и восхитительные резные часы с кукушкой в центре на тыльной стене.

Одно из любимейших мест дома – огромная веранда с выходом на задний двор, на которую можно попасть из столовой через стеклянную дверь. На этой веранде я провел бесчисленные летние вечера – с комиксами или книжками в руках, раскладывая бейсбольные или футбольные карточки, играя с друзьями в настольные игры. Мама выносила нам кувшин домашнего лимонада и шоколадное печенье, теплое и липкое, только что из духовки. А еще, когда было тепло, мы с ребятами спали там всей веселой компанией.

Несмотря на раннюю любовь к чтению, не говоря уже о страсти к фильмам ужасов и вестернам, я не был домоседом. С того самого дня, как мы сюда переехали, я часами торчал под нестареющей плакучей ивой, что стоит на страже у до-

ма, воображая будто я – Джим Палмер, питчер⁵ «Балтимор Ориолс», получивший приз Сая Янга. Подошвой старой теннисной туфли я расковыривал траву, будто там – резиновая площадка на питчерской горке, а потом, высоко задрав колени, отправлял свой коронный крученный мяч в небольшой участок голой бетонной стены в опасной близости от подвального окошка. Я и сейчас считаю, что только чудом ни разу не разбил это окошко. Зато зеленый ставень слева от окна дорого заплатил за мою детскую самоуверенность. Сотни плохо просчитанных бросков превратили его в хлам: мои воображаемые отбивающие всегда были правшами, а кидал я слишком высоко и метил в голову. В общем, ставень едва цеплялся за стену парой ржавых гвоздей, и отец до сих пор ворчит на меня за эту размолоченную деревяшку.

Трещины в асфальте рассекали тротуар перед домом на Хансон-роуд на тридцать три куска разного размера и формы, а тротуар вдоль Тупело – на девятнадцать. Эти дорожки я знал как свои пять пальцев. День за днем двенадцать лет я ходил по ним, гонял на велосипеде или скейте. Мальчишки строили горки из цементных блоков и досок, добытых на стройке или «позаимствованных» в отцовской мастерской, и сигналы с них на великах. Как правило, мы гоняли даже без маек, что уж тут говорить о шлемах. Однажды мы уговорили какого-то мальчугана, жившего по соседству, прыгнуть с за-

---

⁵ Питчер – одна из главных позиций в бейсболе, игрок защищающейся команды, бросающий мяч.

вязанными глазами. Кончилось это печально, и одного раза нам хватило. Порой ставки поднимались – мы прыгали через мусорные контейнеры или пластиковые мешки с травой и листьями. А иногда ложились в рядок на тротуаре, и кто-нибудь прыгал. Уж я-то точно знаю, куда может завести слепая подростковая вера. Вот ее предел: ты лежишь на раскаленной от солнца бетонной плите, прижав руки к ребрам и закрыв глаза, а твой дружок-идиот воображает, что он – какой-нибудь чокнутый каскадер Ивел Книвел, и прыгает через тебя на велосипеде.

Одним летним полуднем старшая сестра моего друга Нормана, Мелоди – местная знаменитость и вообще личность крутая, ведь она уже ездила на машине и курила сигареты без фильтра, – тормознула на своем «Транс Аме»⁶ у соседнего дома и стала уговаривать нас дать ей прокатиться. Норм сначала упирался, но потом сжалился и уступил свой ярко-зеленый «Хаффи». Помню все как вчера. Из динамиков «Транс Ама» (тачки цвета «полночь») ревет Дэвид Боуи, а Мелоди крутит педали вверх по Тупело, пока не добирается до пожарного гидранта на углу Черри-корт. А затем разгоняется и несется вниз. Быстро. Слишком быстро. Мы все стоим на бордюре, раскрыв рты в благоговейном ужасе, и тут она налетает на нашу самодельную рампу на скорости километров сорок в час и взмывает в воздух метров на пять-шесть, а длинные грязно-белые волосы струятся за ней, как

---

⁶ Trans Am – улучшенная модификация модели Pontiac Firebird.

плащ супергероя. Шины «Хаффи» встречаются с асфальтом, звучно шкрябнув, мы радостно орем, но тут же замолкаем – колеса ведет, начинается расколбас. На Хансон-роуд – машины, однако мы не успеваем ее предупредить. Велик влетает точно в знак «стоп» на углу, и Мелоди шлепается на тротуар, будто тряпичная кукла. Мы всем кагалом летим к ней – сейчас увидим первый в жизни настоящий труп!.. Но не тут-то было: девчонка приподнимается на ободранном локте; ноги и правое предплечье – кровавое месиво, а она хохочет. Это невероятно: мало того что жива, она еще и считает, что все это жуть как весело. Вот так и появляются на свет легенды.

Восторг не разделял один лишь Норм. Он был в ярости: велосипедная рама скручена в безобразную баранку, и ее уже не починить. А ведь это недавний подарок от родителей на день рождения! Норм разразился шквалом цветистых выражений, но я об этом узнал позже и с чужих слов. Честно признаться, я тогда на него внимания не обращал. Не мог отвести взгляда от восхитительной загорелой кожи на обнажившемся теле Мелоди, щедро выставленном напоказ – оранжевая майка задралась после падения на тротуар. А над этим плоским, гладким, загорелым животиком виднелись темно-алые шнурки кружевного лифчика, подхватившего бледный холмик голой груди – первый лифчик и первая в жизни настоящая сиська, доставшаяся глазам вашего покорного малолетки. В девять лет я паялился на Мелоди, как грязный старикашка на переполненном пляже. Потом она

поднялась, отряхнулась, села в свой «Транс Ам» и уехала. То был величайший день моего детства.

Отец всегда свято верил: необходимо ухаживать за тем, что имеешь. Он гордился своими вещами. Наши автомобили непременно сверкали чистотой и полиролью. Однако отцовским особенным любимчиком всегда был газон. Весной и осенью газон удобрялся; отец регулярно стриг кусты и обрезал деревья, а после летних гроз собирал обломанные ветки. Особенно усердно он подравнивал траву вдоль тротуаров и иногда прорезал такие глубокие траншеи по обе стороны дорожки, что туда неизменно залетали велосипедные колеса, приводя к частым и зрелищным авариям. Я, кстати, до сих пор не уверен, что устраивал это отец непреднамеренно. А уж газонокосилкой он работал словно по расписанию, раз в неделю, с каким-то религиозным пылом.

Нам повезло: двор был едва ли не самым большим в квартале и, к вящей печали отца, часто превращался в игровую площадку для моих дружков. Во что мы только не играли: от бейсбола и кикбола до мини-гольфа и войнушки. На драгоценном отцовском газоне появлялись размеченные ромбиком базы⁷ для бейсбола, а роль самих баз выполняли тарелки-фрисби, все в отметилах собачьих зубов, да крышки от мусорных бачков. Провисший телефонный провод, что

---

⁷ Базы – в бейсболе площадки по углам игрового квадрата, по которым этот вид спорта и получил свое наименование; обычно представляют собой квадраты из какого-либо материала, крепящиеся к земле.

пересекал Тупело-роуд, по умолчанию служил границей хоумрана⁸. Земля ходуном ходила под нашими ногами, а с эджвудского «Арсенала» то и дело слышались отдаленные и приглушенные «бу-бух!» во время испытаний. Нередко над головами ревели эскадрильи истребителей или вертолетов; они летали на абердинский испытательный полигон, где отец служил авиатехником. Когда машины проходили над головой – на полигон или обратно, – мы неизменно бросали все игры и стреляли по ним из воображаемых невидимых пулеметов или базук.

Я частенько устраивал у гаража платные представления с фокусами, взявая по десять центов с посетителя. А еще устраивал на боковом дворике балаганные представления, призами на которых служили старые комиксы и игрушки на выброс, – все, чтобы облегчить карманы соседской детворы. На перекресток Тупело и Хансон я, бывало, выносил маленький столик и приторговывал холодным лимонадом в бумажных стаканчиках – его брали водители проезжих автомобилей.

Во дворе, в углу, примыкающем к улице, росли здоровенная слива и декоративные яблони с маленькими яблочками – то был наш неиссякаемый источник боеприпасов для многочисленных битв. Деревья также служили отличным укрытием для засад на проезжающие автомобили с последующим их обстрелом. Сколько бы меня ни отчитывали, сколько бы ни

---

⁸ Хоумран – в бейсболе полная пробежка по игровому квадрату.

наказывали, я любил швырять эти мелкие яблочки, а также снежки или земляные комочки в машины на улице. Никакого объяснения этому изъязу моей личности я найти не в силах. Единственно могу сказать: если вы хоть раз ложились на пузо в прохладной летней траве в ожидании приближающегося транспорта, а потом вслушивались в «бац» от удара, то прекрасно понимаете, о чем я говорю. А еще больше кайфа было, когда машина тормозила, оттуда выскакивал водитель и гонял нас по улице. Для парней с Хансон-роуд то были моменты чистого блаженства, полные адреналина. Было время, когда мой ошеломленный отец даже считал, что по мне плачет исправительный лагерь, а то и тюрьма. В конце концов он просто перестал обсуждать со мной эту тему, а дражайшая матушка пыталась отвести меня словами:

– Мальчики, может, вам светлячков половить или в шарики поиграть?

Никто не обрадовался моему отъезду в колледж так, как родители, потому что только перед отъездом я навсегда избавился от этого «хобби».

Дом с зелеными ставнями и старая плакучая ива стали опорой моего взросления, ступицей «колеса жизни». И каждая тропка, большая ли, маленькая ли, бегущая от дома, все были словно спицы этого колеса, расходящиеся в разных направлениях. Мой Эджвуд простирался от Кортс-оф-Харфорд-сквер (где-то в полутора километрах к северу от дома) до Флаинг-Пойнт-парк на берегу Буш-Ривер (километ-

рах примерно в трех к югу от школы для старшеклассников). Да, у нас все было как в поговорке – мы с друзьями каждый день ходили в школу и из школы пешком, пока сами не сели за руль. Мы жили в паре кварталов от того места, где ходил школьный автобус, но не жалели, что не успеваем на него. Долгой дорогой до школы и обратно мы дурачились как могли. А еще то был прекрасный способ оттянуть неизбежную тягомотину домашней работы. К тому же у нас появлялись дополнительные возможности пошвырять маленькие круглые предметы в проезжающие авто, а если повезет, то и в школьный автобус.

В детстве я дружил с целой ватагой ребят. Но ближайшими подельниками, с кем я стал действительно неразлучен, были Джимми и Джефффри Кавано. Они жили на Хансон-роуд, в двух домах от меня вверх по холму. С изобретательными и хулиганистыми братьями Кавано мне всегда было чертовски интересно. По соседству от них жили Брайан и Крейг Андерсоны. Отчаянные сорванцы, оба слишком похожие друг на друга и слишком безбашенные для настоящей дружбы. Приведу два случая, и вам станет ясно, как этих парней обычно плющило. Однажды они поссорились, да так, что Крейг в ярости ворвался на кухню, схватил грязный разделочный нож и, догнав Брайана, всадил тому лезвие в ляжку. Справедливости ради надо заметить, что именно Крейг забинтовал потом рану старшего брата и вызвал «Скорую». А в другой раз, безумно жарким днем, Крейг, ослепленный

гневом, спустил штаны, присел на корточки на Хансон-руд и испражнился себе прямо в ладошку. Затем бросился в погоню за удиравшим братом и, словно бешеная мартышка в зоопарке, метнул горсть свежих какашек в его голую спину. Знаю, знаю, выглядит такое описание гадостно, да и поверить трудно. Но я там был и видел все своими глазами – зрелище то еще, мне никогда этого не забыть.

Джимми и Брайан учились годом младше, и мы втроем были особенно дружны; Джефф и Крейг пошли в школу на несколько лет позже своих старших, но ничуть не более башковитых братьев. Я в этой троице заправлял – во-первых, был на год старше, а во-вторых, мне придавали веса три старшие сестры. Джимми и Брайан никогда особо не противились моей роли заводилов, да и я, помнится, всегда с восторгом хватался за любые их дикие предложения. Кто-то держал нас за трех мушкетеров, а кто-то – за трех балбесов. Нас знали все, и мы всех знали, и нам было дело до каждого паренька и почти каждого взрослого в нашем районе Эджвуда. Мы вообще много всякого знали. Знали, где живут хорошенькие девчонки, где можно срезать дорогу, в каких автоматах по продаже сигарет остаются лишние коробки спичек (то была бесценная валюта, обменному курсу которой равнялись, пожалуй, лишь петарды), на каких помойках можно найти больше стеклотары, чтобы сдать, а еще где делали нычки с порножурналами. Знали мы, и кого из детей родители лупцуют, и чьи родители закладывают за воротник; и кто

из соседей ходит в церковь с утра по воскресеньям – то есть в чем бассейне можно поплавать, пока хозяев нет дома. А когда стали постарше, знали, в каких магазинчиках нам продадут выпивку. Знали мы, и где копы прячутся с радарам, и на каких парковках можно безопасно зависнуть с девчонкой.

Типичный летний день состоял из всех видов приключений для детей нашего возраста. Мы успевали поиграть во все известные человечеству спортивные игры и даже в те, что сами изобрели от смертной скуки. То мы давили пузырьки гудрона на дороге; то жульничали, играя в «Марко Поло» – водные салочки в разборном бассейне Кавано; то рыбачили в окрестных ручьях, прудах и речках; то исследовали бескрайние леса и возводили тайные подземные форты. Бывало, появлялся наш добрый друг Стив Сайнз с полуавтоматической мелкашкой, и тогда мы целыми днями охотились на ворон и грифов или шмаляли по пустым бутылкам. А то еще тренировались в стрелковой технике безопасности: тыкали стволом в ноги друг другу, вопили «прыгай!» и сразу же давили на спусковой крючок, любуясь фонтанчиком земли, взлетающим на том месте, где только что стояли пятки друга. Чудо, что мы умудрились сохранить пальцы на ногах.

А еще так развлекались: карабкались по вихляющейся водосточной трубе на крышу начальной школы «Седар-драйв» и играли в альпинистов, забравшихся на покрытую снегами вершину горы. Или влезали по такой же трубе на крышу бензозаправки «Тексако» на перекрестке Хансон и Эджвуд-роуд

и демонстрировали голые задницы проезжавшим водителям. Это каскадерское представление плачевно закончилось одним памятным днем, когда отец заметил сияние наших костлявых бледных задниц, возвращаясь домой с работы. Меня потом неделю из дома не выпускали.

О жизни в маленьком городке вроде Эджвуда надо понять одну важную вещь: от скуки обзаводишься крайне странными компаньонами. Вот почему в том, что мы вытворяли, подчас было так мало смысла. Как-то летом вместе с нашим старинным приятелем Карлосом Варгасом мы организовали такую закрытую тусовку и назвали ее «Клуб отважных». Кто мне объяснит, почему обряд вступления в клуб состоял в швырянии маленьких машинок в бассейны к случайно выбранным для этого соседям? Вспоминается мне и период нездоровой одержимости жабами: мы зачем-то сажали их в пустые банки из-под арахисового масла. А еще я как-то целый июльский день бродил без рубахи, но со здоровенной дохлой, почти двухметровой черной змеей, болтавшейся у меня на шее. Я даже пытался войти с ней в несколько магазинов, но меня не пустили. Никто – включая меня самого – не знает, зачем мы это вытворяли. Впрочем, таким вопросом мы не озадачивались. Главное, было весело.

В эджвудском торговом центре тоже всегда находилось чем заняться. Местная аптека служила нашим основным источником леденцов и эксклюзивным поставщиком комиксов, а также бейсбольных и футбольных карточек. Я поку-

пал там все подарки на День матери, начиная с возраста, когда мог самостоятельно пойти в магазин, и до момента, когда в шестнадцать лет получил права. В магазине алкоголя продавались изумительные пицца-сабы, здоровенные багеты с пиццей – сырное объединение, тающее на языке. В прачечной самообслуживания я первым делом отправлялся к старинному торговому автомату с конфетами и затаривался упаковками жвачки «Бабл-Ям», невероятно дешевой, по десять центов пачка, тогда как везде она стоила по двадцать пять. Я горстями скармливал этому автомату десятицентовики, а потом продавал жвачку в школе отдельными кубиками. Это давало весьма недурной навар, который потом целиком возвращался в магазин и уходил на пицца-сабы. Ну и напоследок о самом сладком: о бильярдном зале отца нашего дружка Брука Хокинса. Здесь мы учились играть в пул-восьмерку и искали на грязном ковре четвертаки, потерянные выпивохами. Свет в бильярдной был всегда приглушен, забулдыг было полно, и почти всякий раз удавалось найти монетку.

На парковке перед торговым центром ребята постарше построили рампу для скейтбординга – три метра в ширину и почти полметра высотой. Благодаря мощному освещению парковки мы гоняли по этой рампе днем и ночью. Иногда приезжали девчонки, целыми ватагами, на машинах, смотрели, как мы катаемся, и поддерживали нас радостным улюлюканьем.

Про Кавано и Андерсонов достаточно сказать, что в биб-

блиотеку они не очень-то рвались, а вот меня оттуда было за уши не вытащить. Развалюсь, бывало, в огромном мягком кресле в отделе взрослой литературы и пожираю книгу за книгой. Первым излюбленным объектом изучения стал генерал Джордж Армстронг Кастер, да и вообще все о Диком Западе, Гражданской войне и необъяснимых загадках. Меня тянуло к тайнам и детективным рассказам, я безоглядно верил в призраков и оборотней, в лох-несское чудовище и снежного человека.

Однажды в субботу к нам в город пришел всамделишный охотник на снежного человека. Пришел он откуда-то с запада и устроил в библиотеке обширную экспозицию. Охотник говорил небыстро и сильно сутулился. Мне запомнились кустистые брови, сросшиеся в одну, и нечесанные усы с проседью; а еще запомнилась изумительная лекция, в ходе которой демонстрировались фотографии, карты, рисунки и даже клочок подлинной шерсти снежного человека – охотник пришил его кнопкой к доске. Мне удалось уговорить Джими пойти со мной, мы сели в центре первого ряда и восхищенно внимали каждому слову. А после лекции уединились в ближайшем проходе между книжными полками, пошептались и разродились планом. Вернувшись в лекционный зал, где дорогой гость позировал для фото и болтал с кучкой поклонников, мы приступили к первой фазе вышеупомянутого плана, а именно к совершению диверсии с целью отвлечения внимания. Сейчас мне уже не вспомнить, в чем конкрет-

но состояла диверсия, однако полагаю, это было нечто связанное с падением диверсанта на пол и артистичным исполнением эпилептического припадка. Когда посетители с озабоченным видом сгрудились над моим трепыхавшимся товарищем, я проскользнул к выставочному столику и, сцапав несколько прядей подлинной шерсти снежного человека, сунул их в карман поглубже. Несколько минут спустя нам удалось бежать, и никто ничего не пронюхал. Я впервые – с гордостью и стыдом – признаюсь в этом грехе. И по сей день мне неизвестно, что приключилось с тем клоком подлинной шерсти снежного человека. Предположу, что мама нашла его в выдвижном ящике моего стола, брезгливо поморщилась и, покачав головой, выбросила.

Для меня существовало два пути домой из библиотеки или торгового центра. Первый путь проходил по Эджвуд-роуд. Ее надо было пересечь у главного светофора, а потом двигаться несколько кварталов по Хансон-роуд. Так мы добирались, если были на великах или скейтах. Но если пешком, то шли короткой дорогой. Тогда нужно было пересечь Эджвуд-роуд в ее опасной части прямо у торгового центра и пройти по длинной гравийной подъездной дорожке возле жуткого Майерс-Хаус. Миновав это чудовище, срезаете по паре задних двориков – одному совсем маленькому и другому не очень маленькому – и вот ты уже стоишь на Тупело-роуд, всего в каком-то квартале от дома.

В каждом маленьком городке есть свой дом с призрака-

ми – место, в котором, по слухам, просто жуть что случилось. Всякий раз, когда проходишь мимо такого места, сердце бешено колотится и волосы на руках встают дыбом. Майерс-Хаус был построен больше чем за двести лет до рождения любого из нас. По слухам, в девятнадцатом веке здесь устраивали ведьмовские шабаши. То было огромное здание в викторианском стиле с широкой тенистой верандой по всему периметру и двумя остроконечными башнями. Дюжина окон, напряженно всматривавшихся в город, не предвещала Эджвуду ничего хорошего. Находиться рядом с домом в дневное время было неприятно, но терпимо. Чувствовалось, что дом смотрит на тебя, примеряется к тебе. И все же днем ты знаешь (ну или надеешься), что он тебя не тронет. Дом был слишком умный и слишком злобный, чтобы выдать себя среди ясного дня.

А вот ночью все менялось. Дом нависал над тобой во мраке, голодный, хитрый и недремлющий. Отважиться пройти мимо него – все равно что ринуться в опаснейшую одиссею. Нужно быть отчаянным храбрецом, чтобы замыслить подобное. Отважными нас вряд ли бы кто-нибудь назвал, однако мы отправлялись в эту одиссею. С одной стороны, из чистой лени (короткий путь – он на то и короткий), а с другой – из мазохистского желания пощекотать себе нервы.

Именно в те долгие, неспешные и напряженные прогулки по подъездной грунтовке я и принялся рассказывать друзьям свои страшные истории. Начинал обычно издали, с совер-

шенно невинных событий, выстраивая повествование постепенно, там и сям обронив интересную детальку, рассчитывая темп сюжета так, чтобы самые жуткие и кошмарные повороты пришлись на тот момент, когда мы подходим к дому. К этому времени Джимми обычно чуть не падал на колени. «Заткнись, Чиз, ради бога, заткнись!» Но Чиз не затыкался. Бывало, брошу взгляд через плечо, глаза выпучу, будто призрака увидел, да и взвизгну так, что кровь в жилах стынет. А потом даю стрекача. Когда мы добежали до перекрестка Хансон и Тупело, визги наши становились задыхающимся хохотом, и мы не думали уже ни о чем, кроме как вновь отправиться в одиссею и пережить ее.

По всякому маленькому городку бродят рассказы, а то и собственные полноценные легенды, и Эджвуд не был исключением. За несколько лет до этих событий – я был еще малышом – некая залетевшая девица спятила и, говорят, совершила самоубийство – стала посреди железнодорожных путей за зданием школы, где на нее налетел скоростной поезд. С тех пор нашлось немало свидетелей, которые утверждали, что видели или слышали, как призрак девицы бродит по окрестным лесам. Один из наших закадычных дружков, словам которого точно можно верить, Боб Иринг, до сих пор готов поклясться, что видел группу ученых в белых халатах, которые проводили какие-то эксперименты на взаправдашнем инопланетянине. Боб говорит, что проник на запретную территорию эджвудского «Арсенала» и подглядел в склад-

ское окошко; так вот, голова у инопланетянина была размером с велосипедное колесо, а кожа – голубая и мучнистая. Мы-то ему сначала не поверили, но Боб засел в библиотеке на пару недель, копаясь в старых газетных подшивках, а потом вынырнул оттуда с пачкой черно-белых ксерокопий статей шестидесятых и семидесятых годов, где рассказывалось о подобных же исследованиях внеземной жизни. Так что достоверность его рассказов опровергнуть сложно. Нельзя же просто так взять и отбросить все эти доказательства.

Похоже, никто не знает, когда Резиновый Жгут появился в Эджвуде. Я спрашивал сестер и выяснил, что о нем ходили слухи по городу, когда девочки были еще подростками. Однако все, кого я знал, до смерти боялись Резинового Жгута. Неясно было, человеческое это существо или жертва лабораторного эксперимента «Арсенала». По слухам – а им мы внимали развесив уши, – Резиновый Жгут был ростом выше двух метров и болезненно тощий. Руки – словно палки застывшие, висят по бокам. Волосы – короткая темная щетина. Глаза – черные щелки, а рот – мрачная прямая прорезь. Зубов никто никогда не видел – никто из тех, кто выжил и рассказал, конечно же. В одежде Резиновый Жгут предпочитал темные тона; он обычно крался по безлюдным игровым площадкам и открытым пространствам на закате и выискивал детишек, чтобы утащить их и сожрать. Однажды, когда мне было семь, я играл в прятки с друзьями на детской площадке у церкви, неподалеку от дома. Рядом с качелями бы-

ли установлены два ярко расписанных бетонных тоннельчика, метра по три с половиной каждый. В наших малышей играх они были подводными лодками. В тот вечер я спрятался в одном из тоннельчиков. Некоторое время спустя, когда никто не пришел меня «застукать», я выглянул и – готов поклясться хоть на целой пачке Библий! – увидел, как из леса за дорогой появилась чудовищно высокая тощая фигура. Пройдя пару десятков метров, фигура резко сменила направление и заковыляла к нашей игровой площадке. Внезапно перепугавшись, я нырнул обратно в тоннельчик, замер там и затаил дыхание. Мгновения спустя я почуял жуткую кислую вонь, словно корзину с фруктами надолго оставили под солнцем. Я застыл, сдерживая рвотные спазмы. А потом увидел, как мимо зева тоннельчика прошаркала пара тощих паучьих ножек, ряженных в черные лохмотья. Я выжидал, как мне показалось, не меньше часа, пока звук шагов не стих, а потом для уверенности посчитал про себя до пятидесяти – и рванул как безумный к дороге. Друзей я нашел перед домом Боба Ирринга, те как ни в чем не бывало дурачились. Я рассказал им обо всем, что случилось, и чуть позже мы вернулись на площадку с подкреплением в виде отца Брайана Андерсона. Никаких следов странной фигуры, конечно, не нашлось. Но я-то не сумасшедший. Я-то знаю, что видели мои глаза. И что чуял нос.

Да, а еще, конечно, надо рассказать о Похотливом Призраке. Когда начались его проделки, я уже уехал учиться в кол-

ледж, но благодаря еженедельным выпускам «Иджис», которые мама сохранила для меня, остался в курсе событий. Кстати, прозвище «Похотливый Призрак» придумал кто-то из журналистов «Иджиса». Начиная с августа восемьдесят шестого неизвестный проник в дома по меньшей мере двух дюжин жительниц Эджвуда и лапал их – прикасался к ступням, ногам, животам, волосам. И каждый раз, когда женщина просыпалась, преступник бежал из дома и исчезал в ночи. Полиции так и не удалось ни поймать нападавшего, ни даже установить его личность.

Эти и многие другие рассказы – всего лишь мимолетный взгляд на темную природу моего родного городка. Мое мнение можно назвать предвзятым, однако я вижу свой Эджвуд вовсе не сквозь ностальгическую дымку и не в сусальных лубочных картинках Нормана Роквелла. Как и во всех американских городишках, творились здесь и преступления, и насилие, процветало вероломство, происходили трагедии, случались разочарования. Была и неблагополучная часть города – места, куда в темноте лучше не забредать. Когда я поступил в колледж, то сильно удивился: большинство парней в общежитии ни разу не дрались. Я же, когда покидал школу, считался ветераном более десятка драк. Кстати, директора моей школы посадили за растрату: дали реальный тюремный срок. А за пару лет до того арестовали учителя за серию вооруженных ограблений в Мэриленде, Пенсильвании и Делавэре – в свободное от работы время он «брал» банки.

В отличие от большинства жителей округа Харфорд и благодаря тому, что жили мы поблизости от эджвудского «Арсенала», эджвудцы были весьма пестрым и неоднородным сообществом. Тут жило немало семей военных, а такие семьи часто приезжают и уезжают. Эджвуд служил домом обширному афроамериканскому и латиноамериканскому населению, их дети ходили здесь в школу. Однако и в наше нынешнее просвещенное время одного лишь их присутствия оказывалось достаточно, чтобы запугать некоторых горожан. Получив права, я столкнулся с тем, что жившие за городом родители девчонок, с которыми я встречался, не отпускали дочек ни на тусовки, ни на спортивные матчи в Эджвуд.

– Без обид, ладно? – говорили они и больше ничего не объясняли.

Я вежливо улыбался и все равно возил девчонок в Эджвуд.

В выпускном классе эджвудская школьная команда по лакроссу⁹ впервые в истории школы выиграла кубок штата, и ученики из соседнего, но гораздо более престижного Фолстона дразнили нас, скандируя с трибун: «Все отлично, просто класс, будете пахать на нас!» Правда, мы, эджвудские, от такого заносчивого к нам отношения только крепили: черт с ним, мы против всего мира! Мы не просто из одного города,

---

⁹ Лакросс – популярная в американских учебных заведениях игра, в которой с резиновым мячом управляются специальными стиками, которые можно назвать гибридом клюшки и сачка.

мы – семья. Нет у нас крутых тачек, дома наши – не дворцы, и садовников мы не держим. Родители наши не вхожи в элитарные загородные клубы или деловые организации, их удел – ветеранская организация да школьный родительский комитет. Мы и мои дружки лучшей жизни и не желали.

* * *

В моей душе навсегда запечатлелись два особенно ярких воспоминания об Эджвуде. В первом – мне пять лет, мы только что сюда переехали. Стоит морозная декабрьская ночь, земля укрыта толстым одеялом свежевыпавшего снега. После обеда мы с отцом надели теплые зимние куртки, лыжные шапочки, перчатки, боты и отправились на улицу. Подъездные дорожки и тротуары в основном везде расчищены. В окнах и на коньках крыш домов по всей Хансон-роуд сияют рождественские огоньки. Машин почти нет, в воздухе тишина и покой. Взявшись за руки, мы с отцом молча поднялись по Тупело, мимо Черри-корт и Джунипер-драйв на вершину здорового холма на Бейберри. Тут отец обернулся и посмотрел назад. Я тоже, глядя на него, посмотрел вниз с холма. И этот вид просто потряс меня. Каждый дом по обе стороны улицы, насколько хватало глаз, сиял разноцветными рождественскими огоньками, некоторые из них весело подмигивали. Сверкающие снежные покровы перед крыльцом каждого дома переливались калейдоскопом ярких кра-

сок: красно-зелеными, желто-голубыми, серебристо-золотыми. У какого-то крыльца хором пели «Тихую ночь»; под крышей другого дома на нежном ветерке покачивался огромный пластиковый Санта в окружении летящих оленей.

Я, помнится, подумал: «Я здесь живу. Это волшебно, я хочу, чтобы так было всегда». Отец крепко сжал мне руку, видимо, почувствовав, что я затаил дыхание. Я сжал его руку в ответ, и, постояв так еще немного, мы вместе побрели по улице, внимая зрелищу.

По случайности второе воспоминание, что я бережно храню, также приходится на снежный зимний вечер. Мне пятнадцать, мы с друзьями только что откатали на санках долгий морозный день, гоняя по холмам вокруг начальной школы на Седар-драйв, что недалеко от нашего дома. На самом высоком из холмов стояла водонапорная башня, ее длинные толстые опоры всегда будили в моей голове образы разбушевавшихся инопланетян из любимого фильма «Война миров». Хотя в детстве эта башня часто являлась мне в кошмарах, теперь я стал старше и отважнее. Друзья чуть раньше потопали домой обедать, и я остался на холме в одиночестве. Какие-то еще парни недолго катались со мной, но и они уже минут двадцать как исчезли, а я так заигрался, что и не заметил. Голодный, уставший и оочеченевший, я еще раз скатился с холма и отправился домой.

Добравшись до вершины одного из холмов поменьше у подножья водонапорной башни, сквозь деревья я увидел в

отдалении дом. Снова повалил снег. Вдоль водосточных желобов крыши сияли и перемигивались алые рождественские лампочки. Высокие кустистые деревья по обе стороны подъездной дорожки нарядились гирляндами и мерцали зеленью. Маленькие окошки подвала и окно эркера светились бледными прямоугольниками. Меня словно пригвоздило: остановившись как вкопанный, я затаил дыхание. Я представил, как мама готовит обед на кухне, подпевая рождественской песенке по радио; как отец сидит внизу на диванчике, смотрит новости и раскладывает пасьянс. А я замер в сыплющемся снегу и глазел по сторонам: на Хансон-роуд не видно ни машин, ни людей, весь мир затих; не слышно ничего, кроме ритмичного тиканья ледяных снежинок, сающихся на насквозь мокрую куртку. Мне вдруг стало одиноко и печально. Я вновь посмотрел на дом, и впервые в моей юной жизни меня накрыло.

Замерев в остановившемся мгновении пространства и времени, я осознал, как необъятен мир и что однажды – скоро – мне придется покинуть отчий дом, пуститься в собственный путь. Друзья тоже разлетятся кто куда, и с некоторыми мне уже не увидаться, не поболтать. Родители, братья и сестры состарятся, мы все тоже простимся-распрощаемся. Ничто не останется прежним.

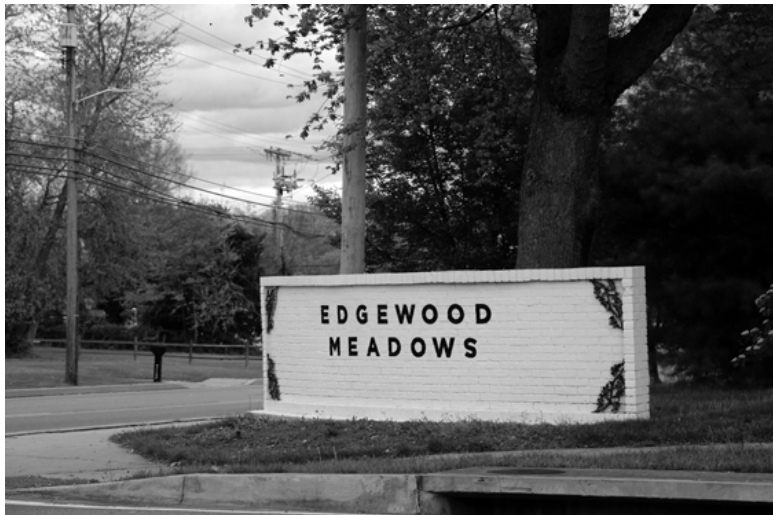
Дыхание застряло в горле, глаза заволокло туманом, ноги подкосились. Мне вдруг вновь было пять, только отец не стоял рядом и не держал за руку. Помню, я твердил себе,

что все будет хорошо, что я вырасту и стану писателем и что слова, которые я нанесу на бумагу, помогут людям понять, как устроен этот мир.

Понятия не имею, сколько я так простоял посреди снегопада. Помню только, что в какой-то момент, совершенно бессознательно, ноги мои двинулись вперед, и я побрел с санками под мышкой и в конце концов добрался до дома, не опоздав к обеду.

За годы, что прошли потом, я часто вспоминал этот момент, однако никогда до сих пор о нем не говорил.

(Многие исторические сведения, которые вы прочли в первых частях этой главы, можно найти на страницах двух замечательных книг: «Эджвуд, Мэриленд: тогда и теперь» Джефффри Зелбрита и «Америка в картинках: Эджвуд» Джозефа Ф. Мюррея, Артура К. Штумпфле и Эми Л. Штумпфле. Категорически рекомендую оба издания.)

Дорожный указатель «Эджвуд Медоуз» на пересечении Бейберри-драйв и Эджвуд-роуд (фото предоставлено автором)

Испытание оружия на эджвудском «Арсенале» (фото предоставлено «Балтимор Сан»)

Старая железнодорожная станция Эджвуда (фото предоставлено «Иджис»)

Майерс-Хаус (фото предоставлено Алексом Балико)

Армейские квартиры в районе Седар-драйв (фото предоставлено автором)

Библиотека Эджвуда (фото предоставлено «Иджис»)

Дом автора на Хансон-роуд (фото предоставлено автором)

II

Первая девушка

«В конце концов, разве убийцы не возвращаются на место преступления, чтобы посмотреть, что они натворили?»

1

Впервые я увидел Наташу Галлахер на воскресной утренней мессе – они пришли всей семьей. Мне тогда было двенадцать, значит, Наташе – шесть. В церковь в тот день пошел с родителями только я, мои сестры и брат уже не жили дома. Мы намеренно сели в заднем ряду: у отца были билеты на матч «Балтимор Колтс»¹⁰, и он твердо решил улизнуть сразу после окончания десятичасовой службы.

Галлахеры на несколько минут опоздали. Я услышал, как за спиной скрипнули и открылись тяжелые двери, и оглянулся. Юный Джош стоял между родителями и выглядел потрясенным – уверен, я выглядел так же. Маленькая Наташа стояла несколько в сторонке, держа маму за руку: платье в го-

---

¹⁰ «Балтимор Колтс» – команда по американскому футболу; с 1984 г. – «Индианаполис Колтс».

рошек, длинные светлые волосы заплетены в косички. Вся семья сделала несколько осторожных шагов по центральному проходу; затем они остановились, вертя головами, выискивая место, где бы сесть. Отец тут же пригласил их жестом, шепнув нам с мамой пересесть ближе к центру скамьи. Один за другим Галлахеры юркнули на скамью рядом с нами. Как только все расселись, я непринужденно наклонился вперед и посмотрел на них. Джош сонно уставился на меня, но кивнул с такой артистичной крутизной, что позавидовали бы и Джеймс Дин, и Элвис Пресли. Наташа, севшая слева от него, беззубо улыбнулась от уха до уха и помахала пальчиками в преувеличенно радостном приветствии. Я немедленно сел как сидел и уставился строго вперед. Лицо и уши разгорались – так на меня действовали девчонки любого возраста.

В следующий раз я увидел Наташу летом. Она скакала по тротуару мимо моего дома и, размахивая руками высоко над головой, напевала мотивчик из «Скуби-Ду»¹¹ высоким гундосым голосом. В тот день она прошла метрах в пяти от меня, даже не зная, что я ее слышу.

В центре двора перед домом рос древний дуб. Мы спилили его несколько лет назад, но пока дуб стоял во дворе, он очень удачно маскировал крыльцо от проходящего транспорта, и густая крона из заросших листвой ветвей прикрывала

---

¹¹ Скуби-Ду – мультипликационный, а позднее и киногерой, незадачливый, трусливый и прожорливый дог, принимающий участие в расследовании всяческих «паранормальных» происшествий; впервые появился на экранах в 1969 г.

вала тротуар. Я завел привычку забираться на дуб и устраивался там на ветке, метрах в трех или пяти над землей, обычно с томиком Стивена Кинга. Мне нравилось чувствовать, что для всего мира я становлюсь невидимкой, а сам могу наблюдать за потоком машин или за редкими пешеходами подо мной. Они проходят и понятия не имеют, что я сижу где-то так близко, что могу дотянуться и коснуться их. А я сижу, невидимый и неслышимый, и фантазирую: как они живут, куда идут, радуются или грустят, замышляют хорошее или плохое.

Слова песенки, что она напевала, я знал наизусть – Скуби-Ду в детстве был любимым мультперсонажем моих субботних утренних просмотров, – и я тоже чуть было не запел, но не хотел ее пугать, поэтому промолчал и дал пройти. Наташа дошла до перекрестка на углу Тупело, остановилась, замолчала, посмотрела налево-направо и только потом перешла улицу. Едва оказавшись в безопасности на тротуаре, девочка снова запрыгала и запела, продолжив путь по Хансон-роуд. Я взялся за новую главу, а когда опять поднял глаза на дорогу, девочки уже не было.

Позже тем летом Наташа с подружками как-то остановились у точки, где я продавал лимонад. У всех троих на шеях под мокрыми волосами висели полотенца. «Наверное, плавали», – подумалось мне. Одна из девчонок заявила, что денег у нее нет, и тогда Наташа достала кошелек с мелочью и заплатила за всех троих. Она стала совсем не похожа на ту

Наташу в церкви: держалась застенчиво, избегала смотреть в глаза и едва словом со мной обмолвилась. А потом вновь села на велик, глянула на меня через плечо и говорит:

– Пока, богатенький Ричи.

Я застыл, провожая их глазами и удивляясь: откуда она знает, как меня зовут?

Последний раз я видел ее в восемьдесят втором году, когда учился в выпускном классе. За неделю до рождественских каникул мы с Джимми Кавано сидели в спортзале на трибуне, в верхнем ряду, и смотрели, как на арене разминаются борцы из Эджвуда и Бель-Эйр. Из колонок ревел «Ван Хален». За четверть часа до начала матча болельщики принимающей команды битком набились в своей зоне и стояли на ушах. Джимми вел себя так, как и положено Джимми – наматывал жвачку на кончик пальца прямо изо рта. Явно хотел, чтобы я подначил его швырнуть эту жвачку в кучерявую копну волос девочки перед нами.

Первым я увидел мистера Галлахера – он стягивал с плеч теплую зимнюю куртку, входя в спортзал. Жена и дочка шли сзади, раскрасневшись с морозца и дрожа после пробежки по парковке. Наташа стянула с головы розовую лыжную шапочку, и волна длинных светлых сияющих волос хлынула на плечи. С тех пор как я видел ее в прошлый раз, она подросла, стала заметна будущая сердцеедка. Ей повезло: у нее есть брат; уж Джош-то построит мальчишек-одноклассников сестры.

Мистер Галлахер помахал кому-то в толпе, и они все втроем отправились к трибунам на противоположном конце спортзала. На полпути Наташа резко свернула и взяла курс на красно-белый борцовский татами «Эджвуд Рэмс» в центре зала.

Я увидел Джоша: тот лежал на спине в дальнем левом углу татами, подвернув ноги под себя и растянув спину и руки в совершенно невозможное положение. Наташа подошла, остановилась перед ним и что-то сказала. Он поднял на сестру удивленные глаза. Я думал, Джош рассердится, что мелкая его отвлекает. А Джош вскочил на ноги, его лицо озарилось счастливой улыбкой, и он заграбастал сестру здоровеными ручищами. Наобнимавшись, они хлопнули друг друга по ладоням, и Наташа поспешила за родителями.

Мне тогда подумалось: а может, сестры – не такой уж и отстой?.. Затем из динамиков загрохотали «AC/DC», мысль куда-то сразу потерялась, и я вернулся к нелегкому делу: помешать Джимми сунуть жвачку в волосы ничего не подозревающей девчонки.

2

За те пять лет, что я был в колледже, Наташа Галлахер, конечно, выросла. При росте метр шестьдесят и весе едва сорок пять кило она подавала надежды талантливой от природы гимнастки. Обожала спорт и дисциплинированно относи-

лась к занятиям, пять дней в неделю ходила на тренировки в харфордский спортзал. Ее коньком были вольные упражнения и бревно. Увлеченная чирлидерша, Наташа единственная в своем классе пробилась в университетскую команду поддержки. Если спросить ее семью и друзей, какой Наташа им запомнилась, сложилась бы такая картинка: всегда счастливая красотка-подросток, ярая поклонница коричневой жвачки и ярких заколок для волос. А еще она безумно любила жизнь. Хохотала от души и всех своим смехом заражала. Пела ужасно, зато громче всех в компании. Любила подурачиться и была непоседой – застенчивой не назовешь, что редкость для девчонки ее возраста. Обожала рисовать и мечтать. Любила цветы и помогать маме по саду. Несмотря на спортивные таланты, Наташа проявляла трогательную неловкость в быту, вне спортзала. Девушка была из тех, что поднимают мусор на улице и здороваются с незнакомцами. Могла расплакаться, когда смотрела кино, и обнималась лучше всех.

Так было написано в некрологе.

3

Я помогал своим соседям по комнате переезжать из зоны стихийного бедствия искусственного происхождения – иначе и не назовешь трехкомнатную квартиру на отшибе кампуса Мэрилендского университета. Тогда я впервые услышал,

что Наташа Галлахер погибла.

Ранее тем утром мы подбросили монетку, и мне выпало ехать в китайский ресторан за едой. В машине я слушал новости по радио и чуть не саданул по тормозам в пол прямо посреди Гринбелт-Роуд, когда услышал о «девушке с окраины Эджвуда» и фамилию жертвы. Молясь, чтобы это оказалось ошибкой, позвонил домой, как только добрался до квартиры и поговорил с отцом. Он знал не больше моего, подтвердил только, что речь действительно шла о нашей соседке Наташе. Разговор вышел короткий и безрадостный.

Утром новость заполнила первые полосы местных газет. Тем же днем чуть позже я позвонил нескольким друзьям и выяснил детали.

Вот что мне удалось узнать.

За два дня до того – в четверг, второго июня восемьдесят восьмого года – пятнадцатилетняя Наташа Галлахер провела вечер перед телевизором с мамой и папой. Они просидели в гостиной до девяти. Когда программа закончилась, девушка пожелала всем спокойной ночи и пошла готовиться ко сну. Девять вечера – раннее время для летних каникул, однако она почти весь день проплавала в бассейне у подруги и очень устала.

Примерно в десять минут десятого она еще раз крикнула «Спокойной ночи!» со второго этажа; мистер и миссис Галлахер слышали, как дочь прошла по коридору и закрыла за собой дверь. Час спустя родители выключили телеви-

зор, проверили входную дверь – та была закрыта – и легли спать. В доме они были втроем – Джош вылетел из колледжа на втором курсе после травмы плеча, полученной на борьбе. Теперь он снимал дом в соседнем Джоппатауне и целыми днями работал в строительном магазине.

На следующее утро, проводив мужа на работу и загрузив посуду в посудомоечную машину, Кэтрин Галлахер глянула на кухонные часы и с удивлением обнаружила, что уже почти девять. Наташа приглядывала за соседскими собаками, пока хозяева отсутствовали, и не в ее привычках было проспять. «Радио на кухне сегодня что-то громко работает. Наверное, она уже встала и сейчас в душе, а я ее просто не слышу», – рассуждала миссис Галлахер, усердно оправдывая дочь.

Однако ванная пустовала, и раздосадованная миссис Галлахер дважды постучала в Наташину дверь, а когда ответа не последовало, вошла в комнату. Дочери в постели не оказалось; на стуле перед столом висели чистенькие шортики и футболка, приготовленные с вечера. Любимые желтые шлепанцы стояли на полу у кровати.

Теперь миссис Галлахер не досадовала, а недоумевала. Возвращаясь к двери, она заметила: с окном что-то не так. Последние несколько недель в Эджвуде стояла невероятная жара под тридцать градусов. Хотя Наташа просила отца включить кондиционер в доме, тот отказался, чем никого не удивил.

– Ты же знаешь правила: не раньше первой недели июля.

Думаешь, я деньги копытами высекаю?

Наташа надулась, но ненадолго, да и не обидевшись по-настоящему.

Миссис Галлахер медленно подошла к сдвижному окну – оно было почти полностью открыто, и влажный утренний ветерок шуршал тонкими занавесками. Однако не это привлекло ее внимание: на окне не было москитной сетки. Подойдя ближе, мать заметила на подоконнике темное пятно размером с небольшую монетку. Не удержавшись, протянула руку и ткнула в пятно пальцем. На кончике пальца осталось что-то темно-красное, и, чтобы разглядеть, она поднесла палец к глазам. «Это было ужасно похоже на кровь, – рассказывала она позже полиции, – но я не уверена».

В смутном предчувствии паники миссис Галлахер перегнулась через подоконник, стараясь не вляпаться в красное блузкой, и выглянула во двор. Рама с сеткой, почти согнутая пополам, валялась на лужайке.

Было девять ноль семь утра.

4

Первые двое полицейских прибыли в дом Галлахеров на Готорн-драйв в девять двадцать. Кэтрин Галлахер встретила их на подъездной дорожке, нервно шагая взад и вперед. На ее лице виднелись дорожки от слез, руки были жестко стиснуты; впрочем, женщина справилась с собой и сообщила по-

лиции все, что знала – внятно и по делу. Патрульные из полиции штата Мэриленд позже в рапорте охарактеризовали ее так: «Напугана и взволнована, но мыслит ясно. Изложила события четко и последовательно».

Один из патрульных прошел в дом за миссис Галлахер и, попросив ту подождать в гостиной, произвел беглый осмотр помещения – Наташиной спальни. Второй патрульный прошел во двор сбоку от дома и, стараясь не затоптать следы, осмотрел окно спальни и сломанную раму с сеткой. Вернувшись к дверям дома, полицейский обнаружил пару подъехавших патрульных машин харфордского шерифа. Прежде чем войти в дом и допросить миссис Галлахер, патрульный быстренько ввел прибывших полицейских в курс дела и попросил их приступить к обследованию прилегающей территории. К этому времени на тротуаре перед домом уже толпились соседи.

В 9:29 подъехал Расселл Галлахер, припарковал «Кадиллак» на подъездной дорожке и бросился в дом. Соседи услышали раздающиеся из дома яростные крики. Как выяснилось позже, мистера Галлахера пришлось скрутить, чтобы он не затоптал место преступления в спальне дочери.

В 9:41 приехал Джошуа Галлахер, которого тоже вызвала мать. Расстояние от своего дома он пролетел за десять минут, хотя обычно требуется пятнадцать. Джош обменялся несколькими словами с соседями перед домом, а потом зашел внутрь.

В 10:07, примерно через сорок пять минут с момента прибытия первых полицейских на Готорн-драйв, тело Наташи Галлахер нашел сотрудник харфордского окружного департамента шерифа. В зарослях за домом. На Наташе были те же голубенькие шортики и майка, в каких она пошла спать. Девушка сидела, прислонившись спиной к дереву, скрестив ноги; руки – на коленях. На распухшей шее – тяжелые гематомы, скула разбита, под глазами синяки, большой и безымянный пальцы на правой руке сломаны. Коронер определил, что, вероятно, травмы нанесли во время продолжительной борьбы. Однако кое-что произошло уже без борьбы: левое ухо срезали неуставленным острым лезвием. На месте преступления не обнаружили ни следов орудия, ни уха. Судя по предварительным выводам, причиной смерти явилось удушение. Точное время смерти определить не удалось.

Почти сразу поползли слухи.

Сплетни плодились по телефону, передавались через забор, за чашечкой кофе или чая. И друзья, и незнакомцы одинаково увлеченно болтали что у барной стойки, что в отделе

охлажденных продуктов в магазине «Сантонис», что в очереди на почте. Дети слушали болтовню родителей и повторяли все, что слышали, на футбольном поле или игровой площадке.

К тому времени, как три дня спустя я вернулся домой, я уже успел услышать с полдюжины разных версий о том, что случилось с Наташей Галлахер.

Почти все были убеждены, что таинственному Похотливому Призраку надоело в конце концов подглядывать и лаптать, и он взялся хладнокровно убивать и уродовать своих жертв. Широко распространились также слухи о том, что он опять нанесет удар, причем скорее раньше, чем позже. Местная полиция принялась опровергать эти сведения и обратилась к общественности с пожеланием: важно проявлять бдительность, соблюдая, однако, спокойствие. Чувствуя необходимость сообщить народу хоть что-то, полиция раскрыла удивительные детали, касающиеся расследования дела Призрака впервые за почти шесть месяцев.

«В данном случае никакой связи с делом Призрака не наблюдается, – сообщил майор Бак Флемингс из харфордского окружного департамента полиции. – По целому ряду причин, которые мы в данный момент не готовы обнародовать, мы полагаем, что эти преступления совершены двумя разными субъектами. Следует признать, что в ходе длительного расследования мы недавно пришли, как нам показалось, к пониманию, кем на самом деле является Похотливый При-

зрак. У нас был подозреваемый, который попал в заключение по иному, не связанному с этим делу, и случаи правонарушений прекратились. Тогда мы полагали, что этот человек и является разыскиваемым преступником. Данный субъект был освобожден на непродолжительный срок, а потом вновь попал в заключение. Случаи правонарушений возобновились, когда данная личность была освобождена из-под стражи, что косвенно подтверждало наши подозрения. Однако преступления продолжились даже тогда, когда подозреваемый вновь был задержан. Теперь же... у нас нет никаких предположений».

Флемингс сообщил, что последний случай непристойного поведения Призрака зарегистрирован всего двумя неделями ранее, но до широкой общественности доведен не был — по просьбе департамента полиции. «Преступник действовал по отработанной схеме: проснувшаяся женщина обнаружила мужчину, склонившегося над ней в спальне. Он касался ее волос и лица. Женщина спугнула преступника, издав громкий крик. Нам неизвестно, совершает ли это все один человек или за дело взялся некий подражатель. Известно тем не менее, что в поведении преступника мало что изменилось. То, что он совершил две недели назад, в точности похоже на совершенное им в восемьдесят шестом и седьмом годах. Почерк преступника остается неизменным и не несет никакого сходства со случаем Наташи Галлахер. Смею заверить общественность, что все мои сотрудники круглосуточно трудятся

над тем, чтобы раскрыть это чудовищное преступление».

Еще одна теория, витавшая в умах и беспокоившая всех, связывала с убийством отца Наташи Галлахер. По сообщениям кое-кого из близких соседей, Рассел Галлахер продемонстрировал крайне странное поведение в первые дни после обнаружения тела дочери. Обычно мужественный и непоколебимый – некоторые считали, даже раздражающе маскулинный, – мистер Галлахер следующие двое суток практически не вставал с кровати.

– Он будто в трансе, – заявил один из соседей. – Проплакал все время, пока я у них был, и постоянно бормотал «Прости, прости». Глаза распухшие, едва открываются.

Поначалу миссис Галлахер пришлось одной сдерживать натиск полиции, следователей, соседей и прессы, которые сутки напролет вились вокруг дома. Затем Джош взял дело в свои руки и установил границы. А потом, чуть позже на той же неделе, из Орlando прилетела на помощь младшая сестра. По словам Роуз Эллотт, жившей с Галлахерами по соседству, миссис Галлахер даже подумывала уложить мужа в больницу – вот как она отчаялась.

Большинство все-таки объясняло поведение мистера Галлахера очевидным фактом: единственную дочь жестоко убили. Он, ясное дело, помутился рассудком и невообразимо страдал. Вдобавок все считали, что мистер Галлахер возложил часть вины за Наташину гибель и на свои плечи: ведь это он не позволил ей включить кондиционер в доме. Из-за

него ее окно оказалось открытым той ужасной ночью.

– Не существует ни единого разумного свидетельства, – заявил Фрэнк Logan, коллега Рассела Галлахера из страхового агентства, – указавшего бы на то, что Рассел имеет какое-то отношение к убийству дочери. Заявлять что-либо обратное – смехотворно и безответственно.

Впрочем, нашлись и те, кто утверждал, что и в дни, предшествовавшие Наташиной гибели, мистер Галлахер вел себя как-то странно.

– Мы на той неделе с ним поссорились, – поделился воспоминаниями один из местных жителей. – Ни с того ни с сего Рассел обвинил меня, что мои собаки делают свои дела у него во дворе. Я пятнадцать лет прожил на одной улице с Галлахерами и ни разу в жизни ни одной своей собачке не позволял гадить у них на газоне. А он, главное, по-серьезному разозлился. Ума не приложу, что на него нашло.

Сходную озабоченность высказал и другой сосед с Готорн-драйв:

– Он обычно спокоен и сдержан. Я хочу сказать, дружелюбный, всегда тебе рукой помашет, доброго дня пожелает и всякое такое. Но в последнее время стал каким-то нервным, будто витает где-то. И болтал необычно много, словно ему есть что скрывать.

Другие же горожане обрушили свои подозрения на голову Ленни Бакстера. Ленни, прославленный ветеран Вьетнама, теперь коротал деньки, собирая мусор на Эджвуд-роуд и тру-

дьясь поденщиком — если везло найти какую-нибудь работу. Ленни никогда не просил милостыни и не принимал подаяния. В былые дни жил с матерью на Перри-авеню недалеко от школы для старшеклассников, однако с тех пор как мать умерла в конце семидесятых, Ленни не смог выплачивать по закладной и дом потерял. Весной, летом и осенью жил в палатке в лесу, за зданием почты. Ходили слухи, что он наставлял ловушек повсюду вокруг своего «лагеря», однако я в это не верил. С кем я только ни говорил, никто не мог сказать, где Ленни зимует.

На первый взгляд он выглядел достаточно сильным, чтобы задушить девушку, однако ходил, сильно хромая из-за старелого ранения в бедро. Ленни был не только не способен поддерживать нормальный разговор, но и едва мог собеседнику в глаза смотреть. А еще от Ленни отвратительно пахло, и зубов у него становилось все меньше и меньше. Мысль о том, что Ленни Бакстер умудрился выманить Наташу Галлахер из дома в лес, не очень-то укладывалась в голову. Ну и уж совсем невероятно представить, что ему удалось бы это сделать, не оставив никаких следов.

Ходили и другие слухи, правда, менее популярные. Согласно одной истории, в Наташиной спальне в обувной коробке обнаружился дневник, а в нем были описаны ее тайные встречи с парнем постарше. По другой версии, Наташа поссорилась с ревнивой подругой, и ссора переросла в безобразный конфликт. К этим доморощенным рассказам не

предлагалось ни доказательств, ни даже намек на таковые. Но, как всегда, люди продолжали судачить.

В ту первую неделю после возвращения в Эджвуд я поговорил со всеми и каждым, кто готов был говорить со мной об убийстве Наташи Галлахер – со старыми друзьями и знакомцами, с кассиром в банке и работницей на почте, с давними соседями и совсем уж незнакомыми людьми. Я также докатился до подслушивания чужих разговоров. Не горжусь этим, однако не мог же я просто так отгородиться от реальности и не замечать, что девушку, которую я знал – пусть даже и шапочно, – убили в нескольких шагах от дома, в котором я вырос. Я словно попал в кино. Попал в кошмар.

7

Похоронную службу отложили до следующей пятницы. Видимо, потому, что семье пришлось ждать, когда коронер закончит обследование трупа.

Похороны, на которых я до тех пор побывал, можно было пересчитать на пальцах одной руки: два моих дяди и мать хорошего друга, которой не стало из-за рака. Мы тогда учились в выпускном классе. Но и этого хватило, чтобы навсегда запомнить дух таких событий. Во-первых, говорят мало, а если и общаются, то приглушенным голосом и простыми жестами. А во-вторых, обстановка неизбежно соответствует настроению участников: все мрачно, погода отвратительная

и давит. Практически гарантирован ледяной дождь.

Утро похорон Наташи Галлахер выдалось солнечным и приятным. По сияющему голубому небу рассыпались пушистые клочки белых облаков, они так и манили устроить пикник на пляже, покататься на лодке по реке или запустить воздушного змея. Все выглядело не так, как надо; выглядело все просто неприлично.

Служба проходила в церкви Христа на Уиллоуби-Бич-роуд, в той самой церкви, где я впервые увидел Наташу. Мессу служил отец Френсис. Думаю, он много чем пожертвовал, чтобы служба получилась насколько возможно короткой: боли и страдания в храме в тот день хватило бы и на десяток похорон.

Мы с родителями сидели ближе к алтарю с Джентилами, нашими соседями. Мама с Нормой всю проповедь передавали друг другу скомканные платки. Мистер и миссис Галлахер с Джошем сидели в нескольких рядах перед нами с какими-то людьми, которых я не узнал; очевидно, с родственниками. Несмотря на городские сплетни, которых я наслушался, мистер Галлахер выглядел собранным. Наверное, к тому времени он уже выплакался. Миссис Галлахер постоянно всхлипывала, хрупкие плечи подрагивали. В какой-то момент Джош обнял мать, и она склонила голову ему на плечо. В этот момент я почувствовал, что и моих сил больше не хватит. Жаль, что Кары со мной не было – она училась на летних курсах в университете Хопкинса и не могла про-

пустить первую лабораторную работу.

Эгоистично пытаюсь отвлечься от горя этой семьи, я при-
творился, что потягиваюсь, и как бы невзначай разглядывал
церковный интерьер. Заполненным оказался почти каждый
ряд. Все эти люди жили по соседству – я увидел десятки зна-
комых лиц. Кто набрал морщин и жирка, кто похудел; все
без исключения постарели. Там были друзья родителей, лю-
ди, которых я не видел несколько лет, бывшие учителя и тре-
неры, несколько одноклассников, хотя и никого из дружков
детства – большинства из них уже не было в городе. Кавано
переехали в Южную Каролину, как только Джефф окон-
чил школу. Брайан Андерсон занимался на летних курсах в
колледже в Западной Вирджинии. Никто не знал, куда при-
строился Крейг. Стив Сайнс пошел служить в ВВС и в то
время был на севере, в Мэне. Карлос Варгас жил в окрест-
ностях столицы, где только-только начал работать инжене-
ром. Томми Ноэль и еще кое-кто нашли работу в «Арсена-
ле». Остальные разлетелись кто куда по всей стране, словно
одуванчик ветром разметало... Вот подумал об этом, и вне-
запно взгрустнулось.

В ребра ткнулся костистый локоть; я обернулся и увидел
знакомое, словно отчеканенное выражение на папином лице:
«Не отвлекайся». Я виновато кивнул и продолжил слушать
проповедь отца Френсиса.

Но за мгновение до того, как получить взбучку от отца,
успел заметить двоих, которых раньше не видел. Они сиде-

ли у выхода: темные костюмы, каменные лица. Выступающие подбородки торчали точно в направлении отца Френсиса, однако глаза безостановочно прочесывали прихожан. Полиция, подумалось мне, и по лопаткам пробежали мурашки. Что ж, немудрено. В конце концов, разве убийцы не возвращаются на место преступления, чтобы посмотреть, что они натворили?

8

В промозглые летние дни после похорон Наташи Галлахер нечто загадочное и новое закутилось в моей жизни.

По неясным причинам, когда бы я ни ехал на почтамт, или во «Фрэнкс Пицца» на Сороковом шоссе, или в магазинчик на Эджвуд-роуд по маминым заказам, я вдруг замечал: домой я еду длинным путем. Вместо того чтобы объехать по Двадцать четвертому, минуя Сороковое, или прямо по Хансон-роуд, меня заносило окружными путями по целой грозди неприметных ответвлений, что неизбежно вели на Готорн-драйв, где стоял дом Галлахеров.

Первый раз, когда я проехал мимо, мистер Галлахер как раз затормозил на подъездной дорожке и выходил из машины, держа в руке что-то в оберточной бумаге. Я сполз по водителскому сиденью, прибавил газу и укатил. К дереву перед крыльцом Галлахеров была привязана большая ярко-красная лента, а часть двора под окном Наташиной

спальни перегораживали полоски желтой полицейской ленты. Несколько дней спустя, когда я вновь поехал тем же путем, ни красной, ни желтой лент уже не было. На следующей неделе у дерева появился самодельный мемориал из цветов, свечей и фотографий.

Мне и самому не ясно, зачем я стал проезжать мимо Наташиного дома. Человеческая природа? Может быть. Нездоровое любопытство? Возможно. Навязчивое желание? Совершенно точно. Мои дни и ночи изобиловали рассказами, повестями и фильмами, что рассматривали зияющие темные бездны человеческого зла. Мне чертовски хотелось превратить эти экскурсионные поездки в профессию. Так разве не логично перенести все это очарование жутью в реальную жизнь? Честно сказать, ответа у меня не было.

Примерно в это же время я стал названивать Карли Олбрайт. В детстве она дружила с Карой, и я запомнил Карли умной, жизнерадостной, громогласной девчонкой в ярко-красных очках. Дружны мы, правда, никогда не были. Они обе выросли по соседству в Лонг-Бар-Харбор, жилом районе на побережье неподалеку от Сорокового шоссе, однако жизнь разлучила подружек – семья Карли переехала в дом побольше в центре Эджвуда, а сама Карли в старших классах перевелась в «Джон Кэрролл», частную католическую школу в Бель-Эйр.

Теперь же, закончив Гаучер-колледж, Карли вернулась домой в Эджвуд, жила с родителями и работала в «Иджис». По-

слушать ее, то была работа ради работы: она писала о местных событиях типа гаражных распродаж, церковных базаров и бесплатных пунктов неотложной помощи при «Ассоциации молодых христиан». Добавьте сюда некролог-другой, статейку о спортивных состязаниях в средней школе, и вы составите полную картину, как заморить тоской начинающего журналиста.

Именно так и появился мой интерес к Карли – невзирая на унылую картину рабочих дней, она занималась делом, была вхожа в новостные студии и телеграфные агентства, а еще к маститым журналистам, которые десятилетиями освещали серьезные события. Моего восхищения не передать: ей всего двадцать два, а на жизнь зарабатывает сотрудничеством с настоящей газетой. По иронии судьбы, Карли испытывала сходное отношение ко мне из-за моего диплома Мэрилендского университета.

– Знаешь, у них один из трех крутейших журфаков на всю страну, – сказала она мне как-то на вечеринке. А еще позавидовала моим продажам рассказов. Так что у нас с ней сложилось что-то вроде взаимовосторженного сообщества, и в грядущие недели Карли оказалась не только надежным источником информации, но и хорошим верным другом.

К вящему облегчению всего города, в начале недели сообщили, что Наташа Галлахер не подверглась сексуальному насилию – ни до, ни после убийства. Также установили время смерти – сразу за полночь. Выходит, она покинула пре-

дела дома вскоре после того, как поднялась к себе, чтобы лечь спать.

Вопрос о том, *как* Наташа была похищена из спальни, что ее родители при этом не слышали ни звуков борьбы, ни вообще каких-либо звуков, стал вопросом номер два для нашего городка. Вопрос номер один звучал, конечно же, так: кто совершил это ужасное убийство?

Полиция не предлагала ответа, хотя бытовало предположение, что Наташа знала своего похитителя и покинула спальню по доброй воле. Однако дни шли, а новой информации по делу не появлялось ни у полиции, ни у газетчиков.

– Ерунда какая-то, – прокомментировала вопрос от «Балтимор Сан» Марта Блэкберн, коренная жительница Эджвуда. – Все, что мы от них слышим, – это «расследование ведется, мы круглые сутки прорабатываем зацепки». Ну конечно, «расследование ведется»! Две недели прошло, как нашу девочку убили. Чем же еще они могут заниматься? Мы хотим знать, есть ли подозреваемые. Это совершил кто-то местный или заезжий? Как считает полиция, может ли такое повториться? У меня, знаете ли, трое своих детей...

Мама не переносила разговоры о происшедшем. Едва дома начиналось обсуждение – происходило это нечасто, – она неизменно принималась рыдать, а потом, извинившись, уходила прилечь. У отца же была своя теория. Он полагал, что Наташа знала убийцу, однако тот был скорее случайным знакомым. Таким, с которым она по доброй воле никуда не по-

шла бы, зато знала его достаточно, чтобы не поднять тревоги, когда этот человек влез к ней в комнату через окно.

– Вероятно, это кто-то из соседнего городка, – объяснял отец, – но не из наших соседей. А еще это наверняка кто-то молодой, твоего возраста, Рич.

Отец был убежден: как только преступник попал в комнату, в ход пошло некое химическое вещество типа хлороформа, чтобы усыпить Наташу. А потом преступник просто утащил ее в лес. Отец настаивал, что полиции необходимо обратить внимание на людей вроде спасателей в бассейне или продавцов в магазинах, а еще выяснить, не побывала ли Наташа где-нибудь в летнем лагере, и проверить тамошних кураторов.

По-моему, отцовское предположение было вполне здравым и ничем не уступало другим теориям. Но в доступных источниках о результатах вскрытия одурманивающие вещества не упоминались, а не имея доступа к достоверным полицейским отчетам, нельзя было судить наверняка. Остальное же складывалось во вполне отчетливую картинку. Большинство пятнадцатилетних подростков живут жизнью, весьма далекой от той, что ежедневно видят их родители. Невысказанные слова, скрытые думы, тайны большие и малые – вот из чего сделаны подростки.

Я поначалу удивился, что отец так тщательно проанализировал происшедшее, а потом понял, что удивляться тут нечему: ведь именно от отца унаследовал я тягу к острым сюже-

там. На наших книжных полках в подвале стояло полное собрание классической серии криминального чтива в мягкой обложке «Золотая медаль». Отец обожал старые черно-белые детективные сериалы и частенько записывал их, чтобы потом пересмотреть.

Очень скоро я поймал себя на мысли: а не ездил ли отец тоже длинной дорогой с работы домой?

9

Было и еще кое-что, нечто совершенно поразительное, о чем не говорили ни полиция, ни средства массовой информации. Полагаю, газетчики узнали об этом лишь несколько недель спустя, когда Карли раскололась и подтвердила кое-какие детали. Впервые я услышал об этом от знакомого, приходившегося родственником одному человеку, непосредственно связанному с расследованием. Выпив лишнюю кружку пива, тот просто-напросто проболтался. Мне пришлось поклясться, что я никому ни гу-гу, и я сдержал обещание, даже когда эту информацию подтвердила Карли. Я сидел, слушал ее и прикидывался дурачком – к этому умению у меня обнаружился подлинный талант.

Новость оказалась поистине сенсационной: в то утро, когда обнаружили труп Наташи, некоторые прохожие и полиция заметили кое-что странное перед домом Галлахеров. Кто-то нарисовал разбивку для игры в классики синим ме-

лом. Только вместо обычной нумерации от одного до десяти в каждой клеточке поставили цифру «3». Следователи опросили мистера и миссис Галлахер, а также весь круг друзей их дочери и выяснили, что Наташа бросила играть в классики, когда ей не было еще десяти. Ни в гараже Галлахеров, ни в Наташиной комнате не обнаружилось мелков. Быстро установили, что ближайшая малышня, которая могла бы играть в классики, жила за четыре дома от Галлахеров. Те дети, что жили дальше по улице, уверяли, что они ни при чем.

Следователи были твердо уверены: ни Наташа Галлахер, ни местные соседские дети клетки для игры в классики на тротуаре не рисовали.

Кто же тогда это сделал? И что все это значило, если имело смысл?

Наташа Галлахер (фото предоставлено Кэтрин Галлахер)

Наташа Галлахер (фото предоставлено Кэтрин Галлахер)

Разметка для игры в классики перед домом Галлахеров
(фото предоставлено Логаном Рейнолдсом)

Место преступления перед домом Галлахеров (фото предоставлено «Иджис»)

Поврежденная москитная сетка под окном спальни Наташи Галлахер (фото предоставлено «Иджис»)

Участок леса за домом Галлахеров (фото предоставлено автором)

Место, где был обнаружен труп Наташи Галлахер (фото предоставлено автором)

III

Кейси

«Что, если Бугимен и впрямь существует?»

1

Им обеим – и Кейси Робинсон, и Райли Холт – тогда было по пятнадцать. Девчонки неразлучно дружили с младших классов, когда вместе ходили в начальную школу «Седар-драйв». Выросли они за пару кварталов друг от друга, Кейси – в занимавшем обширную территорию одноэтажном доме на Черри-роуд, Райли – в двухэтажной, колониального стиля постройке на углу Бейберри и Тупело. Всякий, кто встречал их в первый раз, принимал девочек за сестер. У обеих были длинные темные волосы, огромные карие глаза, яркие радушные улыбки и дружелюбный характер. Классе в шестом Кейси и Райли договорились: после выпускного они вместе отправятся в университет Клемсона (оранжевый – цвет университета и любимый цвет Кейси), потом вместе – в кругосветное путешествие, а потом станут ветеринарами. Через пять лет объединят накопленный капитал и откроют собственную клинику. Больше всего подружки любили лет-

ние каникулы – им разрешалось не спать допоздна и ночевать дома друг у друга. Они вместе смотрели кино, играли в настольные игры, а в последнее время все больше болтали о мальчиках и красивых шмотках. Райли была единственным ребенком в семье и обожала шумное, но полное любви столпотворение, царившее летними вечерами дома у Робинсонов. Кроме Кейси, у Робинсонов было еще трое детей: брат, годом старше, и две младшие сестренки.

Даже учитывая то, что случилось лишь восемнадцатью днями раньше, Райли без волнения позвонила в дверь Робинсонов несколькими минутами после девяти вечера в понедельник, двадцатого июня восемьдесят восьмого года. Девушка собиралась провести ночь дома у подруги; они приготовят попкорн и в пятидесятый раз будут смотреть «Бриолин» – обе по уши влюбились в Джона Траволту.

– Привет, – улыбнулся мистер Робинсон, открыв дверь и обнаружив на крыльце Райли с розовым рюкзачком из «Эл-Эл-Бин». Улыбка слегка померкла, когда он глянул за спину Райли. – А Кейси не с тобой?

– Была со мной, – ответила Райли. – Мы смотрели телик и играли в карты у меня дома, а потом пошли сюда.

Мистер Робинсон вытянул вперед руки ладонями вверх, словно говоря: «Ну и где же она?»

Райли рассмеялась:

– Я очки дома забыла и кинулась за ними. А когда выскочила на улицу, ее уже не было. Я подумала, что она дальше

сама пошла.

Мистер Робинсон повернулся и сунул голову в дверной проем.

– Дорогая! Кейси вернулась?

Откуда-то из глубин дома раздался приглушенный голос миссис Робинсон:

– Вряд ли! – а потом, после небольшой паузы, послышалось: – Джейни говорит, она у Райли.

Мистер Робинсон вернулся к Райли и пожал плечами.

– Здесь ее нет.

– Странно.

– Может быть, она еще к кому-нибудь заскочила по дороге? К Лили, например?

– Может быть. Правда, у нас на этот вечер другие планы – только на нас двоих.

На отцовском лице появилось странное выражение:

– А где она была, когда ты побежала за очками?

– В паре домов от моего, – ответила Райли, – прямо перед домом Крофтов. Меня и не было-то всего три-четыре минутки.

– Ты никого больше не видела? Может, кто-нибудь мимо проезжал или проходил?

Теперь мистер Робинсон говорил громче и быстрее.

– Нет, – поспешно ответила девушка. – В смысле... по-моему, нет. Я и по сторонам-то не смотрела. – Она прикрыла рот ладошкой. – О господи, вы же не думаете, что кто-то...

– Я не знаю, что думать, – ответил мистер Робинсон, спускаясь с крыльца и вглядываясь в сумерки. Машины уже не ездили, не было видно ни души. Где-то вдалеке лаяла собака.

– Может, вызвать полицию? – спросила Райли.

– Пока не стоит. – Мистер Робинсон пересек двор и побежал по направлению к дому Райли, бросив на ходу через плечо: – Скажи моей жене, что я пошел искать Кейси. Пусть Дэвид едет за мной на машине.

Райли кивнула и расплакалась; входя в дом, она слышала, как мистер Робинсон выкрикивает имя Кейси.

2

Когда мистер Робинсон добежал до дома Холтов, его харли-дэвидсоновская футболка пропиталась потом, а сам он задыхался. Путь был недолог, меньше полукилометра или около того, но он был не в форме и бежал во весь опор.

Следов дочери нигде не было. Теперь мистер Робинсон по-настоящему испугался.

– Кейси! – крикнул он снова, приложив ладони рупором ко рту. В ответ раздался лишь собачий лай.

Развернувшись, отец отправился домой и теперь пошел медленнее, внимательно осматриваясь. «Столько этих проклятых кустов вокруг, – объяснял он позже полиции, – столько заборов и деревьев, прячясь – не хочу».

– Черт, – внезапно обратился он вслух к пустынной ули-

це, – нужно было постучать к Холтам. Может, она вернулась за Райли...

И вдруг умолк и обомлел. Впереди, метрах в шести, в бледном круге света уличного фонаря лежал кед.

Мистер Робинсон быстро подошел, поднял его, не задумываясь о том, что передвигает вещественное доказательство, да и вообще ни о чем не задумываясь. Он видел перед глазами милое лицо дочери и молился, чтобы кед оказался не ее.

Молитва не помогла.

В руке лежал дочкин ярко-зеленый кед «Чак Тейлор» с ее левой ножки; из-за этой обуви Кейси получила домашнее прозвище «наш ирландский лепреккончик». Прижав кед к груди, отец помчался домой.

3

Дом братьев Балико стоит дальше по улице от дома Кейси Робинсон, и обо всем, что случилось той ночью, мне поведал Алекс, старший из братьев. Отец Алекса – близкий друг отца Кейси, они часто вместе рыбачили и ловили крабов, вместе ходили в боулинг раз в две недели по пятницам, и мистер Робинсон сам ему обо всем рассказал. Алекс узнал подробности из вторых рук несколько дней спустя по дороге в строительный магазин и сообщил мне, что никогда не видел отца настолько подавленным. Тот действительно был в ужасе от

происшедшего.

Об остальных деталях всего, что случилось той ночью, я узнал от Карли Олбрайт, а также из различных новостных выпусков и подслушанных радиопереговоров между полицией штата и отделением шерифа. Неделей ранее я воспользовался купоном на скидку в двадцать пять процентов – купон этот давно валялся дома – и купил в «Радио Шэк», что в торговом комплексе Эджвуда, полицейский сканер. Слушал я, как правило, по ночам, когда писал. Мэри, моя сестра, неожиданно прикатившая к обеденному столу чуть ранее на той неделе, заявила, что веду я себя как отвратительный упырь: мол, подсознательно желаю, чтобы случилось еще что-нибудь жуткое, как репортеришки с телеканала о погоде, ждущие урагана.

– Они ведь даже не пытаются скрыть восторг, – жаловалась сестра. – Какая мерзость!

Сестра не угадала, по каким причинам я купил сканер, хотя и ошиблась не сильно. Конечно, я не желал, чтобы случилось что-то жуткое, однако я чего-то ждал. Я не знал точно, чего и когда ждать, но не стану отрицать, чувствовал: скоро грянет нечто. Ожидание беды клубилось в воздухе, гудело, как электрический ток. И, когда летние дни стали убывать, слова эти вновь и вновь, словно призраки, всплывали в моем сознании: грядет буря.

Территорию, прилегающую к начальной школе «Седар-драйв», офицер Аарон Хаббард знал как свои пять пальцев. Его семья переехала в Эджвуд из Огайо, когда мальчишке было десять, и он год ходил в эту школу, пока не перешел в шестой класс в среднюю школу. Подростком Аарон проводил бесчисленные часы на травяных полях вокруг «Седар-драйв», играя в бейсбол, баскетбол, футбол, прятки, войну или «пни банку». А еще у него было полно друзей, которые жили в армейских домах на холме; он частенько хаживал туда и тусовался с парнями после школы. Аарон даже научился водить машину – отцовскую «Субару» – на двух с половиной километровом кольце вокруг начальной школы, детского сада и прилегающих футбольных полей.

В ту ночь, когда исчезла Кейси Робинсон, офицер Хаббард производил дежурный осмотр привычной местности. Несколько раз проехал по кольцу, притормаживал, наводя фару-искатель патрульной машины на места, обычно вызывающие подозрения: двери и окна, скрытые тенями; черную как смоль полосу лесопосадок, граничащих с дорогой; неосвещенные пространства за мусорными контейнерами, а также между рядами припаркованных автобусов.

Все было в порядке, и Хаббард свернул к парковке начальной школы, а оттуда передал по радио Ширли Рафферти,

которая дежурила в участке, что остаток поисков проведет «ножками». Держа в руке фонарик, Аарон покинул машину в одиннадцать двадцать семь, незадолго до полуночи.

Его отец больше тридцати лет прослужил в соседнем округе Сесил, в полиции штата Мэриленд, и незадолго до того вышел в отставку. Хаббард-старший уделил особое внимание обучению сына премудростям ночного пешего розыска. В конце пятидесятых, на втором году службы Хаббард-старший пресек ограбление, происходившее прямо у него на глазах на складе, и тогда чуть было не поплатился жизнью. В полицейской академии детально и тщательно обучают, как вести себя в подобной опасной ситуации. Однако отец решил перестраховаться с Хаббардом-младшим и сам дотошно все объяснил.

– Как только покидаешь патрульную машину, ты выходишь из укрытия, – нудно вбивал он в голову сыну. – А когда выходишь из укрытия, то становишься каким?

– Уязвимым, – отвечал сын, как положено, стараясь, чтобы его голос звучал уверенно и бодро. Он знал, что отец переживает за него, и воочию мог убедиться, как изматывают человека переживания такого рода. За примером ходить далеко не надо, достаточно на мать посмотреть.

«Теперь ты уязвим» – эти слова порхали в сознании офицера Хаббарда, пока он обходил школу по периметру. Крепко сжав фонарик в левой руке и рассекая ярким лучом тени перед собой, Аарон положил ладонь правой руки на поясную

кобуру. Двигался он насколько мог беззвучно.

Обойдя здание и подергав дверные ручки – убедиться, что все заперто, – офицер двинулся вверх по холму к бейсбольной площадке. Здесь несколько лет назад провели ремонт и установили новенькие крытые скамьи для запасных игроков, а также электронное табло. Дальше находилась игровая площадка, занимая почти акр земли.

Офицер Хаббард посветил под навес у первой базы – никого; пересек круг питчера и заглянул под навес команды противника. Обнаружив, что и там никто не прячется, выскользнул с поля через ворота в сетке и, стараясь не шуметь, вышел на игровую площадку.

Он провел лучом фонарика по площадке... и сразу же увидел тело. Девушка лежала у подножья горки – той из двух, что повыше. Ее глаза были широко раскрыты и вылезали из орбит, тонкие ручки скрещены на груди, а голые ступни висели, не доставая нескольких сантиметров до земли.

В ушах раздался вечный отцовский окрик: «Ты уязвим!»

Достав из кобуры оружие, офицер Хаббард нажал кнопку передатчика на груди и сообщил Ширли, что Кейси Робинсон обнаружена.

5

На следующее утро все четыре местные телекомпании вышли в прямой эфир с игровой площадки за школой. Труп

Кейси Робинсон к тому времени уже увезли, но на площадке было на что поглазеть: на месте преступления трудились больше десятка офицеров полиции и следователей. Несколько человек на корточках просеивали землю в поисках улик, другие стояли маленькими группками, обсуждая происшествие. Несмотря на то что обе дороги, ведущие к «Седар-драйв», были перекрыты для доступа гражданского транспорта, за временными заграждениями собралась большая толпа зевак. Некоторые из них потягивали утренний кофе, курили. Были и такие, что щелкали одноразовыми фотоаппаратами. Все добрались сюда пешком, кто припарковав машину на обочине Хансон-роуд, кто из домов по соседству.

Голоса нескольких репортеров, работавших в прямом эфире – трех женщин и мужчины, – звучали почтительно и приглушенно. Представитель департамента шерифа сделал краткое официальное заявление полчаса назад, однако личность жертвы не подтвердил. Зато ни у толпы зевак, ни у телезрителей, замороженно наблюдающих за событиями из дома, сомнений не было: в городках, подобных Эджвуду, слухи распространяются молниеносно.

А когда послеобеденная посуда была помыта и в эфир полетели вечерние новости, подтвердились и детали трагедии. Погибшую опознали как пятнадцатилетнюю Кейси Линн Робинсон, проживавшую в Эджвуде, штат Мэриленд. Жертва погибла от рук неустановленного нападавшего в промежутке между десятью вечера и полуночью. Характер травм и поло-

жение тела – все телеканалы теперь использовали словосочетание «положение тела» – поразительным образом напоминали таковые же в деле Наташи Галлахер.

Однако подлинный ужас этого преступления раскрылся лишь на следующее утро, после выхода большой статьи в «Балтимор Сан». По сообщению представителя полиции, Кейси Робинсон были нанесены многочисленные лицевые и черепные травмы. На одной из грудей остался глубокий след от укуса; левое ухо было отрезано. По официальной версии, смерть наступила от удушения.

Об изнасиловании не было сказано ни слова. Эти сведения появились позднее.

6

Утром в среду вышел очередной выпуск еженедельника «Иджис», и вести он принес еще более мрачные. Заголовок жирным шрифтом вопил на всю первую полосу:

ДВЕ МЕСТНЫЕ ДЕВУШКИ ПОГИБЛИ – ДЕЛО РУК БУГИМЕНА?

Посреди полосы под заголовком с больших черно-белых фотографий улыбались Кейси Робинсон и Наташа Галлахер. Никто из семьи Галлахер не дал интервью газете, а вот миссис Робинсон наговорила многое:

«Случилось это еще в мае, во время последней учебной недели. Две младшие дочери спят в одной комнате. У семи-

летней Дженни богатое воображение, и она часто плохо засыпает, особенно посмотрев что-нибудь этакое по телевизору. И вот она приходит к нам с мужем в спальню посреди ночи и говорит, что к ней в окно только что пыталось влезть чудовище, бугимен; дочка попросилась остаться спать с нами. Мы ей, конечно, сказали, что никаких бугименов не существует и что ей просто приснился дурной сон, но, так и быть, в виде исключения, пусть остается с нами. На следующее утро за завтраком она радостно щебетала, как обычно, и даже призналась, что вечером перед сном смотрела какие-то страшилки по телевизору. Я и думать об этом обо всем забыла, пока не услышала, что случилось с Наташей Галлахер.

Вот тогда-то муж и позвонил в полицию, обо всем им рассказал. В тот же день к нам пришли следователи, обыскали двор, искали отпечатки пальцев. Ничего не нашли и сказали нам, что, вероятно, мы были правы: дочке просто приснился кошмар.

Но что, если мы все ошибались, а права была все-таки Дженни? Что, если той ночью кто-то действительно пытался залезть к ней в спальню через окно? Что, если Бугимен и впрямь существует? Что, если он вернулся и забрал Кейси?...»

7

Похороны прошли в субботу утром. На сей раз лил дождь,

где-то вдалеке в пепельно-сером небе рокотал гром. Я на похороны не пошел, а вот родители поехали с Нормой и Берни Джентилами. Я тем утром сражался с простудой – подхватил посреди лета – и остался в постели, заправившись сиропом от кашля и леденцами для горла с лимонным ароматом. Кроме того, дети Робинсонов были намного младше меня, с мистером Робинсоном я не был знаком вовсе, а жену его едва знал, да и то лишь потому, что как-то летом подрабатывал в продуктовом магазине. Заметно уставшая от моей болтовни об этих убийствах, Кара едва терпела мой к ним интерес и заметила, что я просто нашел отговорку, чтобы не пойти на похороны. Черт возьми, похоже, она была права.

Только накануне я получил по почте уведомление о первой продаже моего рассказа. Рассказ назывался «Розы и капли дождя», и речь в нем шла о серии загадочных убийств в маленьком провинциальном городке. Злодеи в этом рассказе были существами сверхъестественными и всегда оставляли на месте преступления одну алую розу, вроде как свою визитку. Рассказ купил журнал «Свежая кровь». За последние полтора года я получил около дюжины отказов, пытаясь пробиться на его глянцевые страницы, поэтому мне следовало бы петь от счастья. А я никому, кроме Кары, даже и не упомянул о радостной вести: опасался, что меня спросят, о чем рассказ, и будет стыдно говорить правду.

Чуть позже тем утром, еще до возвращения родителей домой, я заставил себя вылезти из кровати и отправился в ма-

газин «Севен-илевен» на Уиллоуби-Бич-роуд. Пытаясь убедить себя, что еду туда только за земляничной газировкой, я понимал, что это самообман. Если в Эджвуде и было место с харизмой традиционного провинциального магазинчика, где народ собирается посудачить, то это здесь. Только вместо городских старейшин, заседавших по утрам у старомодной печи, чтобы обменяться слухами да сплетнями, эджвудские старожилы обстрепывали свои делишки у задней стены магазина, перед выстроившимися в ряд кофе-машинами.

Каждое божье утро от полудюжины до чертовой дюжины стариканов сбивались там в кучку, потягивали дымящийся кофе и отчаянно курили. Средний возраст завсегдатаев – за шестьдесят, собирался здесь разношерстный люд: электрики и адвокаты, профессура и полицейские. Костяк составляли три-четыре человека, которые ни дня не пропускали. Одним из таких завсегдатаев был Фред Андерсон, отец моих дружков детства – Брайана и Крейга. Он постоянно здесь обретался и тем утром исключения не сделал.

Бегло с ним поздоровавшись, я притворился, что не могу достать газировку из автомата, а сам наострил уши и принялся подслушивать. Основной темой беседы были похороны – туда отправились жены большинства из присутствовавших. Внимательнее присмотревшись к «тусовке», я не мог не задуматься: как мы все здесь выглядим, просиживая штаны в «Севен-илевен», в то время как наши лучшие половины отдают дань памяти павшему члену общества.

Вскоре разговор зашел о полицейском расследовании и возможной личности преступника. Большинство сходилось на том, что убийцей был чужак, имевший зуб на хорошеньких юных девчонок. Фред Андерсон же упорно не соглашался – он уверенно заявлял, что это кто-то местный, кто хорошо знает и народ, и все уголки Эджвуда.

Я установил крышку на стаканчик с напитком и подошел поближе. Осмелев, дождался передышки в прениях и ринулся в атаку с вопросом: есть ли у них конкретные подозрения, кто может быть убийцей? Может, кто-то назовет имя? Меня встретила гробовая тишина. В такой тишине, говорят, слышно, как ползет время. И вот я стоял, а они смотрели на меня так, будто у меня вторая голова выросла, и никто ни слова не вымолвил – ни единого словечка. Я нервно глотнул своей земляничной газировки, кивнул неуклюже и попятился к кассе, сгорая от стыда.

Через два дня, в понедельник, по Одиннадцатому каналу передали громкую новость: эксклюзивный репортаж о сопровождении подозреваемого в офис шерифа. Невиданное доселе дело: конкретного подозреваемого притащили в участок! Телерепортерша сообщила, что это двадцатисемилетний Генри Торнтон из соседнего городка Гавр-де-Грейс. Парень стриг лужайки перед домами соседей да выполнял для них всякую поденную работу, а кроме того, занимался доставкой «Домино Пицца» в Абердине и Эджвуде. В ночь убийства Наташи Галлахер Торнтон доставлял пиццу как на

Готорн-драйв, так и на соседнюю – всего в квартале от места преступления – Хэрвуд-драйв.

Отдуться перед прессой пришлось патрульному Сету Хиггинсу.

– Мы опросили десятки человек, которые, по нашему мнению, в состоянии помочь расследованию. Мистер Торнтон – всего лишь один из них. Досадно, что средства массовой информации раздувают из мухи слона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.